Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.)

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 167 (6053). 19 июня 1934 г., вторник. ЦЕНА 10 КОП.

ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ

ПИСЬМО ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Нам, летающим над Страной Советов, больше, чем кому бы то ни было, видны те исторические изменения, которые совершенно преобразили облик государства. Везде чересполосица сменилась массивами колхозных полей, и основными ориентирами при полетах стали громады новостроек. Эта панорама, которую мы каждодневно видим с наших краснозвездных машин, создана руками миллионов трудящихся под руководством ленинской партии, которую ведете по пути неизменных побед Вы, товарищ СТАЛИН.

Мы знаем, что Вы, товарищ СТАЛИН, были инициатором грандиозных операций по спасению челюскинцев, и мы благодарим Вас за честь, за оказанное доверие участвовать в этом бою со стихией, за честь — спасти челюскинцев.

Мы завтра прибываем в Москву, в столицу нашей родины, чтобы первым долгом заявить Центральному Комитету партии, правительству и Вам, товарищ СТАЛИН, что мы снова готовы итти в бой за могущество, славу и неприкосновенность нашего великого государства.

С этой клятвой мы вступаем на землю нашей столицы.

МОЛОКОВ, ДОРОНИН, КАМАНИН, СЛЕПНЕВ, ЛЯПИДЕВСКИЙ, ЛЕВАНЕВСКИЙ, ВОДОПЬЯНОВ, ГАЛЫШЕВ, ПИВЕНШТЕЙН и все бортмеханики, принимавшие участие в спасении челюскинцев.

18 июня 1934 г.

Можно завидовать стране, имеющей таких героев, и героям, имеющим такую родину.

Сегодняшнего дня ждала Москва, ждала вся советская страна, ждали миллионы трудящихся по всему земному шару, — ждали с того самого момента, когда на карте Советского Союза возник новый пункт — Лагерь Шмидта на льдах.

Рабочие «Красного путиловца» уже сказали, как они следили за жизнью в этом пункте:

«Мы жили вами. Рабочие-старики и наши дети подолгу рассматривали карту нашего Севера, где вы расположились героическим лагерем на дрейфующих льдах. Мы с волнением отсчитывали километры, отделявшие вас от наших летчиков-героев, которые по зову советского правительства и нашего великого **Сталина** спешили к вам на помощь со всех концов Советского Союза. Мы согревали вас теплотой родной страны, которая о вас заботилась».

И мысль о сегодняшнем дне не раз согревала вас, товарищи челюскинцы, когда после напряженного трудового дня вы укладывались в спальных мешках, прислушиваясь к вою пурги за полотном палатки и ловя в ее диких звуках зловещий скрип движущихся льдов. Вы видели тогда перед собой свою милую родину, — места, где прошло ваше детство, где вы учились бороться с классовыми врагами, где в труде и учебе вы накопляли силы и закалялись для дальнейшей неустанной, непримиримой борьбы за социализм. Здесь, на родине, оставались ваши родные, — не только ваши жены, матери и отцы, братья и сестры, а и родная вам коммунистическая партия, родная советская общественность.

Мы знали, что этот день придет. Это не была вера, основанная на фаталистической пассивности. Это была уверенность, основанная на расчете и анализе, на активной борьбе. И точно так же по этим основаниям знали и вы, что этот день придет.

Маловерие, уныние, страх не могли иметь места ни на огромной советской планете, ни на ее спутнике — на крохотном осколке, от нее оторванном, в лагере Шмидта.

Капиталистический мир оплакал вас, — кто с искренними, кто с крокодиловыми слезами. Специалисты-доброжелатели говорили: ничего не выйдет из спасения челюскинцев самолетами, самолеты на льдах — это авантюра! Враги из фашистской Германии пытались внушить вам на расстоянии: не надейтесь на советскую страну, спасайтесь пешком — кто как может, бросайте детей, женщин, слабых, пусть по трупам павших выберутся на берег «вожди».

В той формуле со многими неизвестными, которая называлась спасением челюскинцев, есть *величина, нам известная*, а капиталистическому миру и неизвестная и недоступная. Эта величина — воспитанное коммунистической партией в миллионах трудящихся искусство борьбы и победы.

Мы не будем говорить о мужестве челюскинцев, летчиков, которые спасали челюскинцев, моряков, которые пробивались навстречу челюскинцам. Достаточно сказать, что в исторической челюскинской эпопее родилось почетное звание «Героев Советского Союза».

Но рядом с мужеством, изумившим мир, стоит и не менее изумительное искусство борьбы в самых тяжелых условиях, — искусство, выразившееся в овладении техникой всякого дела, за которое брались герои челюскинской эпопеи.

Не только с величайшим мужеством коллектива, но и с величайшим искусством руководства в лице тт. ***Шмидта и Воронина***, с полным знанием дела, с безупречной дисциплинированностью была проведена посадка на лед с тонущего корабля. Только одну жертву вырвала грозная стихия: доблестного Бориса **Могилевича** мы не встретим сегодня на Красной площади. Имя его будет в памяти рядом с именами всех челюскинцев.

Так было выиграно первое, решающее сражение. И не только с величайшим мужеством, но и с величайшим искусством был установлен режим лагеря на льдах: непрестанный творческий труд сочетался с политическим воспитанием и учебой. В этом был неиссякающий источник здорового боевого оптимизма, стальной спайки, неизменной бодрости и молодого веселья. И не только героическое мужество, но и замечательное искусство было во всех операциях по спасению челюскинцев. Твердое, уверенное, четкое руководство, направляемое товарищем **Сталиным**, имело твердых, уверенных, четких исполнителей.

Сегодняшним смотром на Красной площади завершается тот смотр советским силам, советской готовности к борьбе, овладению техникой, который производился в течение месяцев и на советской суше, и на льдах, и на воде, и в воздухе. *И так же, как мы знали, что победим в* борьбе со злой стихией, мы знаем, что победим во всякой борьбе, как бы тяжела она ни была.

Рабочие Автозавода имени Сталина с исключительной яркостью выразили эту безграничную преданность родине всех трудящихся Советского Союза:

«Мы знаем твердо: ежели враг нападет на нас, вся страна, как один, встанет на защиту своих границ. Каждый из нас будет Каманиным, каждый из нас будет Ляпидевским! Свою беззаветную преданность родине мы помножим на **большевистскую организованность и передовую технику.** Пусть знают наши враги: Красная Армия начинается в полках, батареях и эскадронах и кончается на каждом заводе и в каждом колхозе! **В дни войны вся Страна Советов будет Красной Армией!**

Мир не знает еще такого поражения, какое потерпят вражеские полчища, если они осмелятся напасть на Советскую страну.

Тому порукой — героическая эпопея челюскинцев. Тому порукой — наш рабочий класс, наше трудовое крестьянство, наша пятилетка, наша партия, наш Сталин».

Буржуазный мир ищет своих героев и не находит их. Герои нужны еще господствующему классу капиталистических стран; дряблость, ничтожество этого класса пугает его правителей и идеологов. Создаются бесстыдные теории о необходимости войн для воспитания мужества в буржуазном юношестве, для воскрешения древнего рыцарского духа. Не имея образцов в настоящем, буржуазия вызывает тени прошлого, фальсифицирует их, обновляет легенды, давно обветшавшие. В некоторых капиталистических странах дерзкие бандиты, контрабандисты служат предметом буржуазной романтики. Дети богатых отцов мечтают о том, чтобы стать людьми, такими же бесстрашными, как Аль-Капоне или Дилинджер, такими же находчивыми, как сыщик Шерлок-Хольмс. Плутарх современной буржуазии находит образцы для юношества в полицейском участке или в разбойничьем притоне.

В советской стране нет героического мифотворчества. Наша героика реальна. Октябрята играют в «челюскинцев», и подрастающее юношество мечтает о подвигах труда и науки. К полным революционного обаяния образам героев гражданской войны, героев пролетарских боев, героев социалистического строительства присоединяется теперь блестящая галлерея челюскинцев. Они сами учились на льдах,—и в это время у них учились миллионы, как побеждать препятствия в борьбе за социализм.

Заявлением о приеме в коммунистическую партию многие из выдающихся челюскинцев — и те, кто спасал, и те, кого спасали, — обобщили ту школу борьбы, которую они прошли в эти месяцы. Это — простой и логический вывод из всего того, что они пережили, всего того, что продумали. Этот вывод сделали и сотни тысяч, миллионы тех, кто с тревогой, но и с *уверенностью следил все эти месяцы* за героической борьбой на льдах.

Коммунисты были в первых рядах челюскинцев, и вокруг них тесно сплотился весь отряд. Формально это была экспедиция, команда, — по сути это была семья, содружество в борьбе и труде. Люди породнились... Но через коммунистическую партию породнилась с ними и вся наша страна. Они стали дороги всем — «челюскинцы-дорогинцы», как назвал их советский школьник в своем стихотворении. И как родных, как сыновей своих, принимает их теперь великая их родина. В ее героическую летопись они вписали новую страницу, — ее читают пролетарии всех стран, и еще больше крепнут те чувства любви, привязанности, гордости, которые страну советского пролетариата делают отечеством трудящихся всего мира. **«Можно завидовать стране, имеющей таких героев, и можно завидовать героям, имеющим такую родину»,** — сказал простой датский моряк, который сам испытал крушение, но встретил только черствый, жесткий, враждебный прием со стороны хозяев страны, когда вернулся на свою родину-мачеху.

Советская родина — родная мать трудящихся. Хорошо сказали о ней рабочие «Красного путиловца»:

«Россия стала матерью для трудящихся всех национальностей. Ее богатства, ее обилие, ее красота, ее города, фабрики, заводы, села, реки, моря, леса, горы, поля, сады, ее небо, ее культура — все это наше. Жизнь для нас! Для нас светит солнце сегодня, для нас оно взойдет и завтра! И пусть кто-нибудь попробует взять у нас что-либо. Его ждет участь бывшего императора России Николая кровавого!»

ПИСЬМО ЧЕЛЮСКИНЦЕВ товарищу СТАЛИНУ.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Завтра мы прибываем в Москву. Завтра мы вступаем на землю столицы великой нашей родины. Из льдов Чукотского моря, спасенные стальными птицами пятилетки, мы проехали треть мира. И вот с Чукотки, Камчатки, Дальнего Востока, из Сибири и Урала попадаем в Москву, где работает Центральный Комитет нашей партии, где работает наше правительство, где живешь и работаешь ты, наш дорогой, любимый, всегда близкий вождь, учитель, чуткий друг трудового народа, великий ленинец, чье имя с надеждой и восхищением повторяют пролетарии всего мира, — **Сталин.**

Мы прибываем в Москву. Никакими словами не передать нашего счастья. На льдине, сходясь на собрания, будучи два месяца оторванными от мира и зная, что на далеком расстоянии от нас—Центральный Комитет партии и наше советское правительство, мы преисполнялись твердой уверенностью, что нас спасут.

Мы знали, что ты, товарищ Сталин, заботишься о нас, что ты являешься инициатором грандиозных мероприятий по спасению полярников с «Челюскина».

Когда на север двинулись пароходы, ледоколы, полетели самолеты, — **мы с каждой новой вестью радостно и гордо произносили твое имя: Сталин!**

Когда на Чукотке, на Камчатке скопились суда, дирижабли, аэросани, тракторы, когда над льдами загудели моторы самолетов, — как никогда можно было ясно видеть величие пятилетки, победной пятилетки, **которую создала партия, руководимая тобой, мудрый, смелый вождь Сталин.**

Перенесенные на материк нашими советскими самолетами, нашими советскими летчиками, мы видели в ярангах чукчей, в светлых школах, на культурных базах — твое лицо. И в невероятной дали, в преображенном партией и правительством крае мы своими глазами видели чудесные плоды политики ЦК партии, **результат твоей беспримерной энергии, ленинской целеустремленности.**

Возвращаясь через Дальний Восток, мы узнали, как неприступен форпост на Тихом океане, эта крепость мира. Красная Армия и флот — стражи границ, готовые обрубить свиное рыло империализма, оснащены техникой пятилетки. **И в каждом шаге бойца и краснофлотца мы чувствовали мощь родины, мощь, созданную штабом партии, правительством, тобой, стальной полководец!**

Встречи в пути, на огромной территории нашей страны, приветы рабочих и колхозников сливались в одно ликование: **«Да здравствует любимый Сталин!»**

И вместе со всеми мы, счастливые от того, что будем продолжать строительство социализма, от всей души торжествующе восклицали: **«Да здравствует великий Сталин!»**

Вступая на священную землю столицы нашей родины, мы клянемся тебе, наш вождь, Иосиф Виссарионович: **жизни наши принадлежат партии, делу партии — социализму. С восторгом мы ждем заданий паотии и правительства, чтобы ринуться в новые схватки со стихией Арктики или в боевой огонь, куда поведет партия, куда поведешь ты, наш капитан страны Советов, — Сталин.**

А. БОБРОВ, ВОРОНИН, БАЕВСКИЙ, ЗАДОРОВ, КОПУСОВ, РУМЯНЦЕВ, КОЛЕСНИЧЕНКО, ШИРШОВ, АНОКИН, ФАКИДОВ.

(Следуют подписи всех челюскинцев).

18 июня 1934 г.

Телеграмма Ромен Роллана.

Пламенный привет героям «Челюскина».

РОМЕН РОЛЛАН.

Вильнев, Швейцария.

Сегодня в Москву прибывают отважные челюскинцы и герои-летчики.

„Мы снова пойдем туда“.

О. Ю. ШМИДТ.

Зарисовка худ. А. КРАВЧЕНКО

Поход «Челюскина» не закончился погружением парохода 13 февраля. Он продолжался в работе ледяного лагеря, в полетах аэропланов, в походах «Красина» и «Смоленска», в громадном развороте спасательных работ, предпринятых Правительственной комиссией в лице тов. Куйбышева, при непрерывном личном внимании товарища Сталина. Поход продолжался в напряжении всей страны, в радости, с которой миллионы трудящихся встречают челюскинцев.

Чем об'ясняется этот под'ем, охвативший всю страну? Чем об'ясняется, что нас, челюскинцев, так сердечно и с такой любовью встречает наша родина?

Нельзя этого об'яснить сенсационностью, нельзя даже об'яснить соболезнованием. Нет. Причины здесь гораздо глубже. В лагере челюскинцев и в организации их спасения страна, как в фокусе, увидела все свои достижения, огромный рост своей мощи и техники, под'ем творческой энергии, которая осуществила первую пятилетку и так же *победоносно выполняет* вторую.

На примере маленькой льдины сказалось все то большое, что накоплено страной Советов, что взращено коммунистической партией под руководством ее гениального вождя товарища Сталина.

Мы жили на льдине теми же мыслями и теми же настроениями, как и вся страна. Мы применяли те же методы работы и руководства, которые партией проводились на всех фронтах хозяйства и культуры. Недаром в первые же минуты после погружения судна штурман Марков развернул спасенное им красное знамя Советов. Недаром тут же после переклички капитан Воронин, указывая на это знамя, предложил быть образцовым советским коллективом.

Поэтому ничего нет странного в том, что наша работа в лагере развернулась по тем же путям ударничества, соцсоревнования, сознательной дисциплины, единоначалия, выдвижения дарований, которые характеризуют любой завод или политотдел деревни.

Пример челюскинцев показал, что методы советской работы и методы партийного руководства вошли в плоть и кровь всех трудящихся СССР. Они стали естественными, знакомыми и родными. Огромные творческие силы, освобожденные революцией в народных массах, нашли свое выражение и в нашем лагере и привели к тому, что энергия не только не ослабевала, а, наоборот, в процессе работы, в процессе улучшения своей жизни и своей организации люди поднимались с каждым днем все выше и выше.

После высадки на лед с особой силой зазвучало для нас слово родина. С особенно глубоким вниманием продолжалось начатое на корабле изучение доклада товарища Сталина. С особенным доверием группировались все вокруг своей партийной организации как ведущего коллектива. Особенно отчетливо все почувствовали силу и мощь СССР, созданные под руководством партии.

Вот почему все были совершенно спокойны и уверены, что советское правительство нас спасет. Вот почему вся экспедиция доверяла своему руководству. Вот почему руководители экспедиции были уверены в своем коллективе. Мы не делали никаких панических шагов, вроде пешего похода на берег, который кончился бы гибелью для большего числа. Мы знали, что Советский Союз имеет достаточно мощную технику, достаточно сил и средств, чтобы нас спасти. Мы знали, что Советский Союз рождает тысячами и миллионами героев, таких, как летчики, которые летели за нами. Мы на далеком расстоянии, по *маленьким намекам* коротких радио чувствовали прибой общественного под'ема.

Мы могли спокойно ждать. Спокойно — это не значит пассивно. Нет. Два месяца в лагере были наполнены борьбой и работой. Только соединенные усилия громадной работы, организуемой для нашего спасения на берегу, и наша собственная ежедневная работа могли обеспечить успех. Работали на льду с исключительным энтузиазмом. Творческий под'ем был настолько велик, что после тяжелой физической работы *на аэродроме* все члены экспедиции, от ученого до строительного рабочего, рвались к учебе, чтобы осмыслить то более глубокое понимание великих путей нашей родины и наших обязанностей перед ней, которое поднялось в каждом из них в этот серьезнейший момент нашей жизни.

Партия и правительство послали нас в Арктику, чтобы включить далекий Север в общее социалистическое строительство, чтобы развить те громадные экономические возможности Севера, которые капиталистическим странам развить не удалось.

Мы с гордостью выполнили это ответственное поручение. Мы снова пойдем туда и доведем задачу до конца. Мы так же пойдем, как и все миллионы нашей страны, на любое трудное дело.

Сегодня все челюскинцы вернутся. Мы сольемся с теми, кто нас ожидает, в огромной радости, что мы—граждане Советского Союза, нашей дорогой, единственной в мире родины.

ПРОЛЕТАРСКАЯ СТОЛИЦА РАДОСТНО ВСТРЕЧАЕТ ГЕРОЕВ АРКТИКИ.

Дорогие товарищи и братья!

Хочется нам всей Красной Москве, всему пролетарскому миру рассказать о чувствах, наполняющих наши сердца.

Вот вы, спасенные из ледяных об'ятий Арктики, под'езжаете сейчас к Москве. Вся страна, и мы в том числе, следим радостными глазами за вашим приближением. Утром мы раскрываем газеты и читаем: «челюскинцы проехали Новосибирск», «челюскинцы проехали Свердловск». Каждый час делает нашу встречу все более и более близкой.

Москва подготовила вам, дорогие братья, радостную встречу. Сотни тысяч рабочих, техников, инженеров и служащих выйдут на улицы приветствовать вас. Красная площадь встретит вас мощной демонстрацией. Славу споет вам Москва, столица пролетарского мира, и эхо великого торжества Страны Советов разнесется во все уголки земли.

Мы хотим скорее видеть вас, дорогие братья. Мы хотим скорее взглянуть в ваши мужественные лица, опаленные ледяным дыханием северных ветров. Мы хотим крепко пожать ваши руки и сказать:

— Ну вот, все хорошо, родные. Вы дома!

Гордость и радость—вот чувства, обуревающие нас. Мы гордимся вами, славные сыны родины, дети рабочего класса. Мы гордимся своей страной, взрастившей таких сынов, как вы. Мы несказанно радуемся и знаем—только наша родина могла свершить такое удивительное и героическое дело, как спасение отряда людей, затерянных в бескрайних просторах северной пустыни.

Родина послала вас пролагать новые пути, побеждать неизведанные пространства. Вы честно, как полагается большевикам, с энтузиазмом бойцов революции выполняли свой долг. Знамена Ленина и Сталина воодушевляли вас. Бесстрашие и непоколебимое мужество были вашими спутниками.

Вы-то знаете лучше нас, сколько смельчаков, отважных исследователей похоронено в арктических пустынях. Но эти смельчаки были одиноки. Класс тунеядцев и паразитов не был в состоянии организовать спасение бесстрашных людей, да и вряд ли он был заинтересован в этом. Вы коллективом воевали с вьюгой и бурями, за вами стояла великая страна, внимательно следя за каждым вашим шагом, радуясь вашим успехам, болея за каждую вашу неудачу.

И, когда настал грозный час, наши летчики по зову партии, по зову великого Сталина пошли в пустыню и на крыльях советских самолетов принесли вам спасение. Это был итог большевистской организованности, большевистской воли!

Мог ли старый, дряхлеющий капиталистический мир показать себя в подобном случае? Никогда, ни за что!

Мы счастливы от одной мысли, что живем в такой стране, где хозяин—рабочий класс, где ярким светом горит ученье Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, где возможно свершение таких волнующих подвигов, как спасение челюскинцев!

Мы говорим подвигов, ибо их у нас немало. Мы помним, как сейчас, октябрьские дни семнадцатого года, когда под свист осеннего ветра и юнкерских пуль рабочий класс и мы, рабочие-амовцы, брали власть в свои руки. Мы помним героические годы гражданской войны, когда голодная, измученная страна победно отбила полчища белых генералов и интервентов. Мы помним годы первой пятилетки, когда начали возникать гиганты промышленности там, где раньше бродили волчьи стаи и шумели метели, и там, где до этого были полукустарные заводики и мастерские. Ведь подумать только: вот наш завод, носящий имя горячо любимого вождя, давно ли он был ремонтной автомобильной мастерской?! А теперь это — огромная махина, чудесный завод, выпускающий отличные машины, выпускающий множество отличных машин.

Первая пятилетка, осуществленная в четыре года, тоже была подвигом. Пятилетка воспитала тысячи, сотни тысяч людей, способных на любой подвиг — и на производстве и, если нужно будет, в борьбе с врагами нашей родины.

Вы боролись за новые арктические пути, мы боролись за новый советский автомобиль. Каждому свой удел и своя мера славы. Мы только хотим сказать вам, родные и близкие, что ваш подвиг и ваше мужество, ваше бесстрашие, ваша отвага придают каждому из нас новые силы. Автомобилями, отличными советскими машинами ответим мы тебе, дорогой Отто Юльевич, тебе, товарищ Воронин, тебе, товарищ Бобров, тебе, товарищ Кренкель, и всем вам, родные!

Мы знаем твердо: ежели враг нападет на нас, вся страна, как один, встанет на защиту своих границ. Каждый из нас будет Камаными, каждый из нас будет Ляпидевским! Свою беззаветную преданность родине мы помножим на большевистскую организованность и передовую технику. Пусть знают наши враги: Красная Армия начинается в полках, батареях и эскадронах и кончается на каждом заводе и в каждом колхозе! **В дни войны вся Страна Советов будет Красной Армией!**

Мир не знает еще такого поражения, какое потерпят вражеские полчища, если они осмелятся напасть на Советскую Страну.

Тому порукой—героическая эпопея челюскинцев. Тому порукой—наш рабочий класс, наше трудовое крестьянство, наша пятилетка, наша партия, наш Сталин.

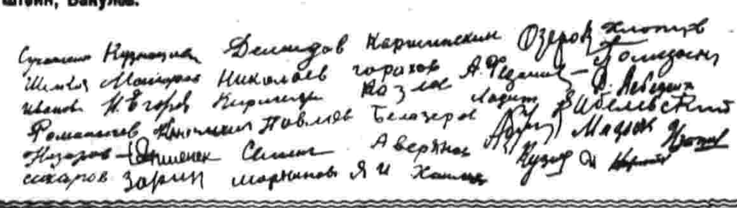
Пусть же живет радостной и великой наша родина! Пусть живет и ведет нас к новым победам железный капитан Страны Советов товарищ Сталин! Пусть ваш подвиг, моряки и летчики, еще сильнее сплотит всю трудовую семью Советской земли вокруг партии. Будем же так мужественны и отважны в боях за светлую, радостную жизнь, за славу нашей родины, за мировой Октябрь, как были мужественны и отважны советские люди в боях с Арктикой!

Обнимаем вас, дорогие челюскинцы, моряки и летчики.

Кланяемся вам низко.

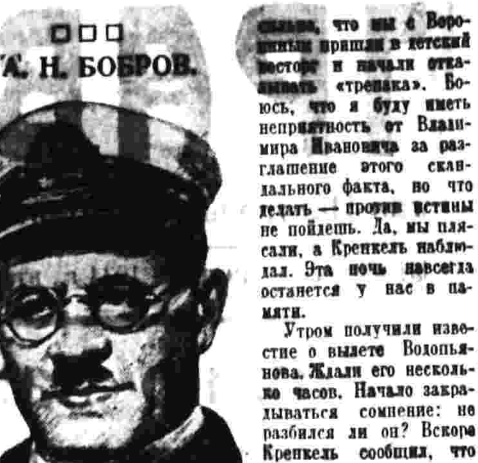
ПО ПОРУЧЕНИЮ РАБОЧИХ, РАБОТНИЦ, ИНЖЕНЕРОВ И СЛУЖАЩИХ АВТОЗАВОДА ИМЕНИ СТАЛИНА:

И. Лихачев, С. Тарасов, А. Ойцев, А. Голицын, Изотов, Гуль, Кобелевский, Каретов, Д. Лебединн, Сухонихин, Шелков, Иванов, Романычев, Назаров, Сахаров, Кузнецов, Майоров, Н. Егоров, Апшенек, Зорин, Ключихин, Демидов С. И., Николаев Ф., Павлов С., Семенов В. П., Мартынов Я. И., Карпинский, Козлов, Белозеров, Аверьянов, Горохов, К. Борисов, Озеров, Ханне, Хлопцов, Федотов А., И. Кузин, Лацит, Мазюк, Ф. Кириллов, Поваляев, Оленев, Соколов, Захаров, Витенберг, Голяев, Лотерштейн, Бакулов.



Последние шесть.

А. Н. БОБРОВ.



В ночь на 9 апреля под влиянием сильного норд-веста началось торошение. Поломало аэродром, разрушен барак, где лишь несколько часов назад делал доклад Ушаков. Палатки очутились на одной стороне, обломки барака—на другой.

Та сторона, где был барак, называлась у нас «Замоскворечьем». Пришлось навести мосты. Позже льды соединились вновь.

Сведения о приближении самолетов мы имели все время. Вера в нашу советскую авиацию была крепкая.

— Раз самолеты будут в Ванкареме,—думали мы,—можно быть уверенными, вывезут.

Все дело было в погоде. У нас хорошая — у летчиков плохая. У летчиков хорошая—у нас плохая. Только тогда, когда самолеты были уже в Ванкареме, погода начала спадать. Стали составлять списки. В первую очередь к отлету назначили слабых.

Наконец прилетели первые самолеты. В первый день было вывезено около 30 человек, во второй — почти столько же. Но пришлось выдержать большую борьбу с Отто Юльевичем. Он был сильно болен, температура доходила до 40 градусов. Однако, когда хотели отправить его сейчас же на материк, Шмидт наотрез отказался. Но пришла телеграмма Правительственной комиссии. Шмидту пришлось подчиниться.

К моменту его отлета из лагеря три четверти челюскинцев были уже на берегу. На льдине оставалось 28 человек. Оснований тревожиться у остающихся не было: то были самые выносливые товарищи, а материальные возможности с каждым часом увеличивались. Прибывали подкрепления самолетов — группа Галышева. Запасов продовольствия и топлива для 28 чел. хватало на несколько месяцев. Но у остающихся были и некоторые элементы тревоги. Нас волновала мысль об исходе болезни Отто Юльевича. Очень многие считали себя виновными, что не настояли на более ранней отправке его. Я лично испытывал большое волнение при мысли о заместительстве Шмидта в руководстве экспедицией. Шмидт пользовался большой любовью товарищей. У него был огромный авторитет опытного полярника, мой же полярный стаж исчислялся 9-ю месяцами. Но вера в воспитанный руководством экспедиции и партийным руководством коллектив значительно меня ободряла.

Отто Юльевич улетел на материк. Работы по переброске продолжались. Все меньше *оставалось людей в лагере Шмидта*. Герои-летчики показали высокий класс летного мастерства. Молоков и Каманин не только напихивали в двухместные кабинки по 4—5 человек. Молоков ухитрился подвесить под плоскостями еще двух человек.

12 апреля в лагере осталось 6 человек и 8 собак. Погода начала портиться. Капитан Воронин, Кренкель и я забрались на вышку. Под нами раскинулся пустой лагерь. Палаток уже не было, дымились костры. Мертвую тишину изредка нарушало потрескивание льда.

Странное чувство охватило нас. С одной стороны—легкое сожаление, что приходится покидать место, с которым сжились за два месяца, место, где рядом был «Челюскин», благородно подкидывавший нам то мешок муки, то ящик консервов, то доски. С другой стороны было чувство великой радости, что все-таки мы победили суровую природу, что сдались льды под натиском большевиков. Последнее чувство было настолько сильно, что мы с Ворониным пришли в детский восторг и начали откалывать «трепака». Боюсь, что я буду иметь неприятность от Владимира Ивановича за разглашение этого скандального факта, но что делать — против истины не пойдешь. Да, мы плясали, а Кренкель наблюдал. Эта ночь навсегда останется у нас в памяти.

Утром получили известие о вылете Водопьянова. Ждали его несколько часов. Начало закрадываться сомнение: не разбился ли он? Вскоре Кренкель сообщил, что Водопьянов не нашел лагеря, и, кроме того, передал, что вылетают сразу три самолета, среди них Водопьянов.

Мы развели огромный костер, свалив в него все, что могло гореть. А когда самолеты появились над лагерем, мы устроили им салют. Кренкель бросал пачки пороха в костер. В последний раз Кренкель радировал: «Всем, всем. Два ноль восемь. Станцию снимаем. Сигнал. Кренкель».

Сняв установку, зашагали на аэродром. Три самолета стояли в ряд. Было похоже на настоящий аэродром. Имущество и собаки были погружены. Сались в любой самолет. Владимир Иванович обязательно захотел в открытый и поплатился — обморозил лицо. Но в конце концов он выиграл: у него теперь новая кожа. Я забрался в самолет к Водопьянову. Сделав круг над лагерем, мы обогнали Молокова и сели в Ванкареме вслед за Камаными. Встречи. Поцелуи. Через час началась пурга.

К моменту моего прибытия в Ванкарем заместителями начальника тт. Баевским и Копусовым вместе с чрезвычайной тройкой была проделана большая работа по размещению челюскинцев и дальнейшему их направлению к бухте Провидения. На самолете тов. Водопьянова, с которым я прибыл в Ванкарем, тт. Баевский и Копусов через час вылетели в Уэллен.

Нервное напряжение и несколько ослабленное физическое состояние сказалось на челюскинцах. Стал развиваться грипп. Это значительно осложняло операции по переброске: пользоваться нартами для перевозки больных нельзя было, приходилось опять действовать самолетами.

Когда отряд челюскинцев растянулся от Ванкарема до Лаврентия, а в самом Ванкареме оставалось только 11 товарищей, я вылетел в Уэллен. Там в это время находилось 26, в пути Уэллен—Лаврентий — 23, в Лаврентии — 35, на пути к Уэллену — 8 челюскинцев. Руководство решило распределить силы по главным базам. Баевский, заканчивавший большую экономическую работу по Чукотке, оставался в Уэллене, ожидая завершения операций по переброске. Меня решили отправить в Лаврентий, так как в течение пяти дней я температурил и чувствовал себя плохо. Копусов, Задоров и Буревич были направлены в Провидение — подготовить помещения и продовольствие для всей массы челюскинцев и летного состава.

К сожалению, в Лаврентии мне работать не пришлось, через сутки я уже лежал на операционном столе, а всю работу за меня до прибытия Баевского провел наш общий любимец А. Колесниченко. Нельзя умолчать о той исключительной теплоте и заботе, которыми были окружены челюскинцы на базе бухты Лаврентия со времени прибытия туда женщин и детей (11 марта) до отправки последней группы с пароходом «Смоленск» 14 мая.

На пароходе коллектив челюскинцев снова почувствовал внимание и трогательную заботу наших моряков: они отдали нам свои места на судне и старались предупредить все наши желания. Встреча с пролетариатом Камчатки превзошла наши ожидания и навсегда сохранится в памяти челюскинцев.

Здравствуй, Москва!

ВЯТКА, 17 июня. (Спец. корр. «Правды»). Была последняя ночь на льдине, когда шестеро челюскинцев ждали ясного утра и самолетов. Была последняя ночь в домиках бухты Провидения накануне дня, когда там победно заревел гудок «Смоленска». Была последняя ночь перед Владивостоком после двухнедельного плавания по Берингову морю, Тихому океану, Охотскому и Японскому *морям*. Потом 10 дней по великой сибирской магистрали, мимо бойцов Особой Дальневосточной, горняков Восточной Сибири, мимо железнодорожников Забайкалья, колхозников Западной Сибири, металлистов Урала...

10 дней — в шуме оркестров, криках «ура», цветах. Но вот настает последняя ночь, такая же бессонная, как на Чукотке, как на пароходе. Никогда не забудутся прошедшие встречи, не изгладятся из памяти восторги трудящихся страны, переживавших спасение челюскинцев, как свое дело, дело всего Союза. В эту ночь, последнюю перед столицей, не одним из «жителей» экспресса будет прочувствовано все *происшедшее* в этом году.

Где-то между Вяткой и Москвой челюскинцы встретятся со своим ледовым командиром Отто Юльевичем Шмидтом, вместе с ним прибудут в свою любимую столицу. Здравствуй, Москва!

Л. ХВАТ.

Тов. Шмидт выехал навстречу челюскинцам.

ЯРОСЛАВЛЬ, 18 июня. (Роста). Сегодня, в Ярославль в 22 час. 45 мин. прибыл экспресс Москва—Манчжурия, в котором т. Шмидт едет навстречу челюскинцам. На вокзале т. Шмидт был встречен представителями ярославских организаций. Состоялась краткая беседа.

В 22 час. 59 мин. экспресс отбыл в Буй, где тов. Шмидт встретится с челюскинцами.

СТРАНА ГЕРОЕВ.

Павло Тычина.

Войны мы твердо избегаем,
но вновь грозят нам. Бойся, враг отечества:
Союз наш будет, был и есть!
Зачем спроста кровавить меч нам? —
Пред вечным
взором человечества
— мы знаем!
Как на ладони, наша честь.

А вы, загнали в лес дремучий
вы птицу мира, судорожно мстите ей,
на нас напасть хотите... Зря!—
По всей стране крепка защита
родного быта,
мирного развития!
— Живучи
во век победы Октября!

Мы знаем: есть у нас опора.
Гробовщики уже повсюду шествуют
вам вслед—готовьтесь, короли!—
Здесь так вас мило повстречают
так покачают
и почествуют,
что скоро
переселят вас в глубь земли.

Отчизна новых поколений
У нас одна есть—накрепко любимая
страна Советов! Нас не тронь.
Мы выпрямляемся. Мы—сила!
Мы смену с тыла
ждем неделимую,
а в смене —
патриотический огонь!

Страна, где выросли герои,
Страна труда, тебе—наш, полный страстности,
завет: благословенна будь!
А тех, что нам открыли дали,
Тех, что стояли
за тебя в опасности
горою,
в грядущем вспомнить не забудь,
в грядущем не забудь!

Перевел с украинского
МАРК ТАРЛОВСКИЙ.

Капитан «Челюскина» В. ВОРОНИН.

Уроки „Челюскина“.

О предстоящей экспедиции на «Челюскине» я впервые узнал из письма Отто Юльевича Шмидта, которое получил в Мурманске ранней весной 1933 г.

Я тогда еще не совсем разделался с экспедицией «Сибирякова». Кроме того, предстояло итти на зверобойный промысел, поэтому я еще не знал, удастся ли пойти на «Челюскине» или нет.

В половине июня меня отправили лечиться в Мацесту на полтора месяца. 30 июня я получил телеграмму О. Ю. Шмидта: *«Двадцать пятого июня «Челюскин» прибыл в Ленинград под именем «Лена». Как здоровье? Когда можете выехать?»*

Подумал, решил плюнуть на лечение и на следующий же день выехал в Ленинград.

Приехал. Оказывается, судно уже погружено. На судне был тогда капитан Безайс с Дальнего Востока, который наблюдал за постройкой «Лены» в Копенгагене (строила датская фирма «Бурейстер Вайн»).

На другой день я одел свою морскую робу и стал ползать по пароходу, осматривать его. Но осмотреть удалось только румпельное отделение и канатные ящики. Все остальное судно было загружено углем и экспедиционным грузом.

Надо прямо сказать: то, что удалось осмотреть, не производило хорошего впечатления. Судно по своей крепости и набору сильно уступало «Седову» и «Сибирякову».

Это было почти обычное торговое судно, только с несколько более толстой обшивкой. С точки зрения арктического мореплавателя конструкция судна имела известные недостатки. Оно было слишком широкое. *Носовая часть должна была очень* сильно воспринимать удары льда. Форма носа была такова, что удары льда воспринимались не под острым углом, а почти под прямым, что, конечно, сильно сказывалось на состоянии корпуса. Кроме того, судно было слишком длинно, что представляет собой определенные неудобства при плавании во льдах. Слаб был кормовой набор. При плавании во льдах нередко приходится делать крутой поворот при очень медленном поступательном движении судна: руль на борт, дать машине ход, и корабль стремительно бросается в нужную сторону. При этом неизбежны толчки кормы о лед почти *под прямым углом. Чтобы выдержать толчки*, нужен крепкий кормовой набор. «Челюскин» его не имел.

Стрингер (продольная балка, идущая по усиленному поясу обшивки) был слишком короток и слаб, он не шел по всей длине судна, как это полагалось бы, а кончался на трюме № 2.

Короче, «Челюскин» не мог считаться достаточно подходящим судном для плавания в Арктике, особенно для сквозного пути от Ленинграда до Берингова пролива. Но ведь речь шла не об обычном рейсе, а о научной экспедиции. Для этой цели «Челюскин» был приспособлен, и не будь тяжелого состояния льдов на Чукотском море, плавание «Челюскина» могло бы кончиться *благополучно*.

Состояние льдов в том или ином районе — вещь далеко еще не изученная. Запасы льда в Арктике более или менее постоянны, но его распределение по отдельным районам меняется с каждым годом. Старые полярники хорошо помнят, как в 1913 и 1914 гг. «Таймыр» и «Вайгач» свободно ходили по Чукотскому морю севернее о. Врангеля и Новосибирских островов и проходили по побережью до мыса Челюскина. Там, встретив льды, они возвращались обратно во Владивосток. Значит, тогда Чукотское море было свободно от льдов, проходимо даже для судов, не приспособленных к ледовому плаванию. В те же годы состояние льда в западной части Ледовитого океана было очень тяжелым. Экспедиция Седова дошла только до Панкратьевских островов архипелага Новой Земли, где вынуждена была зазимовать.

В текущем году было наоборот: на западе мы совершенно не встретили льдов. Чукотское же море было все заполнено льдом. Год на год не приходится. Несомненно, су*ществует известная закономерность распре*деления арктического льда по районам, но она еще не изучена. Эта неизученность стоила нам зимовки. «Челюскин», конечно, не мог выдержать эту зимовку. Уже при первой встрече в Карском море со льдом весеннего происхождения (ровные поля, масса сквозных дыр) при малом, до среднего, ходе, при отсутствии толчков о лед «Челюскин» получил повреждения: лопнул шпангоут, сорвало несколько заклепок, показалась течь в обоих бортах. Ясно, что зимовка была «Челюскину» непосильна. Но еще вопрос, как повел бы себя во льдах Чукотского моря даже настоящий ледокол! Уж очень тяжелый был лед в этом году...

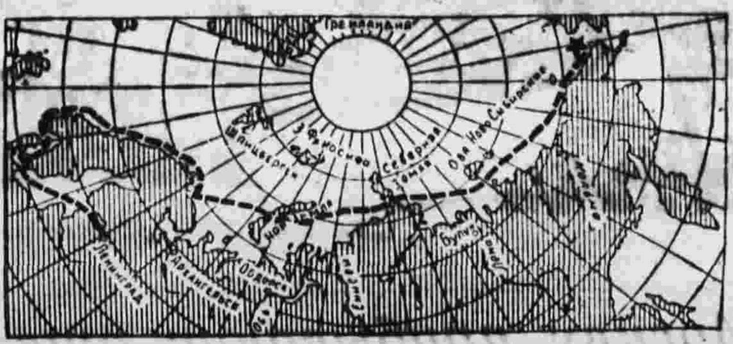
Кстати, я слышал разговоры, будто в гибели «Челюскина» какую-то роль играла сварка. Это абсолютно неверно. Корпус «Челюскина» был не сварной, а склепанный вгладь. С моей точки зрения это непрактично: при этом методе склепки каждая вмятина приводит к большому растяжению листа обшивки на кромке планки.

Какие основные выводы должны сделать *мы, моряки, из эксплуатации «Челюскина»*? Прежде всего зимовка «Челюскина» ни в коем случае не ставит под вопрос целесообразность Северо-Восточного пути. Я убежден, что этот путь осуществим и государственно целесообразен, хотя с узко-коммерческой точки зрения он, может быть, менее выгоден, чем путь вокруг Европы. Руководиться надо, конечно, не такой «коммерцией», а интересами хозяйства северных районов Союза.

Но Великий северный путь надо освоить. Для этого еще многого нехватает. Я оставляю в стороне вопросы метеорологии, радиосвязи и пр., скажу только по своей специальности — о морских картах. Сейчас нет точных морских карт арктических районов; мы пользуемся примитивными, приближенными картами лоции Евгенова. Скажем, такой-то остров значится на моей карте, а его нет. Каким может быть мореплавание без точных карт!

Надо взяться за создание точных морских карт. Для этого нужны научные экспедиции. Мне кажется, такие экспедиции следует районировать, т. е. дать каждой из них получше изучить только один участок, а не все Арктическое море. На мой взгляд, было бы целесообразно организовать четыре таких экспедиции. Первая: Енисей — мыс Челюскин — Северная Земля — пролив Вилькицкого, выход экспедиционных судов из Архангельска; вторая экспедиция: мыс Челюскина — Лена и к западу от Новосибирских островов, выход судов из Лены; третья: проливы Лаптева и Санникова и к северу от о. Котельного до р. Колымы, выход из Лены; четвертая: Колыма — Берингов пролив, выход из Владивостока.

В результате работ этих экспедиций мы получим точные морские карты, которые гарантируют нашим арктическим мореплавателям спокойный, безопасный путь.



Снимок челюскинца-кинооператора С. ШАФРАН.

Молоков в лагере!

М. ГОРЬКИЙ.

ПОДВИГ ЭТОТ ВОЗМОЖЕН ТОЛЬКО В СТРАНЕ СОВЕТОВ.

В истории гибели «Челюскина» и героической работе спасения экипажа его от неизбежной гибели есть нечто, требующее особенно глубокого внимания и понимания.

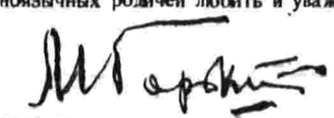
Возьмем государства Европы, эти пироги, слоеные пулеметами, бомбами, взрывчатыми веществами и всем прочим, что заготовлено для истребления миллионов рабочих, крестьян. Возьмем любую из этих организаций «культурной» буржуазии, готовых взорваться ужасами массового человекоистребления, и поставим вопрос: могла ли буржуазия решиться затратить так много сил и средств на спасение сотни людей, большинство которых—по оценке лавочников—малоценные люди: уборщицы, матросы, кочегары, плотники?

С полной уверенностью беру на себя смелость ответить: нет, лавочники не решились бы на это дело. Нет, жалея деньги, они не пожалели бы людей. У них такой богатый запас безработных, можно ли жалеть о том, что сотня людей погибнет.

Подвиг спасения челюскинцев возможен только в стране, где пролетариат взял в руки власть и создал родину себе. Подвиг этот возможен только в Союзе Социалистических Советов, где разоблачены лицемерие и лживость буржуазного гуманизма и растет гуманизм пролетариата, основанный на сознании равноценности всех людей социально полезного труда. Этот подвиг возможен только у нас, где правительство неустанно и успешно работает над укреплением всеобщего мира ради охраны жизни трудового народа всех стран, всех наций земли,—народа, миллионы которого буржуазия снова намерена уничтожить.

В нашей стране «малоценных людей» нет, наши люди все более дружно и успешно доказывают, что это действительно так: ежегодно из среды рабочих, крестьян выдвигаются десятки тысяч новой, советской интеллигенции. Текстильщики и пастухи, шахтеры и слесаря, уборщицы, швейки и вообще люди физического труда быстро перевоспитываются в людей высокой интеллектуальной квалификации. У нас человек становится все дороже, ибо пред каждым открыты все пути к развитию его способностей, талантов, и в 170-миллионной массе населения Союза Советов растет количество людей, которые сознают, что они мужественным трудом своим строят себе родину, которой у них не было.

Спасение челюскинцев — героическое дело наших летчиков, и оно на веки останется одним из ярких фактов истории нашего культурного роста. Непоколебимое мужество Отто Шмидта и его товарищей, затерянных во льду Арктики под угрозой ежечасной гибели и уверенно ожидавших помощи,—факт, который говорит, что люди сознавали свое право на помощь родины. История челюскинцев исполнена глубокого смысла, ибо она внушает людям всего Союза Советов, что у них есть родина, что она в любой момент явится на помощь каждому, что для нее нет «малоценных людей» и что поэтому каждый из нас, усиливая ее мощность, ее богатство своим трудом, должен работать честно, ненавидеть врагов неустанно, своих единомышленников, своих разноплеменных и разноязычных родичей любить и уважать.



Ваш героизм вдохновляет миллионы.

Вы прибываете в столицу мирового пролетариата, приветствуемые миллионами трудящихся, всей страной, как достойные сыны революции.

Ваша героическая победа над стихиями Севера — победа всей нашей страны. Эта победа ковалась в институтах, лабораториях и заводах, которые дали нам советские моторы, советские самолеты, советские радиоаппараты, преодолевшие арктические просторы.

Только поколение железных и стойких людей, поколение пролетарской революции могло создать такой замечательный коллектив, каким на дрейфующей льдине в безбрежных просторах полярного моря был лагерь Шмидта. Только в нашей стране, только под руководством партии большевиков могли вырасти герои-летчики, готовые на любой подвиг во имя чести и достоинства своей родины.

Вы несли в своих сердцах образ героя героев — Сталина. Его имя сопровождало и поддерживало отрезанных от всего мира челюскинцев, вдохновляло и звало на борьбу со стихией летчиков, бесстрашно преодолевавших горные хребты, снежные бури и ледяные скалы. Имя Сталина неразрывно связано с этой победой, которую одержали под его руководством челюскинцы, летчики, наука и могучая техника молодой страны, воля и железная настойчивость ее лучших сынов.

Северный морской путь будет окончательно проложен. Он будет проложен потому, что во главе нашей общей борьбы за лучшее будущее всего человечества идет партия Ленина—Сталина, руководимая мудрым, любимым и смелым вождем.

Товарищи! Ваша мужественная борьба за нашу великую родину вызвала невиданный энтузиазм рабочего класса и колхозного крестьянства. С вас берут пример бойцы Красной Армии, летчики воздушного флота, красные моряки и вся наша бодрая, жизнерадостная молодежь.

Ваш героизм вдохновляет миллионы ударников социализма, овладевающих в рядах Осоавиахима военной техникой, чтобы надежно защитить неприкосновенность советских границ.

Да здравствует наша великая, славная родина!

Да здравствует наша стальная ленинская партия!

Да здравствует наш горячо любимый и мудрый учитель и вождь, наш великий Сталин!

Да здравствуют энтузиасты науки и техники!

Привет миллионов отважным челюскинцам и летчикам—героям Советского Союза!

Главное управление Гражданского воздушного флота—И. УНШЛИХТ.

Народный комиссариат водного транспорта—Н. ЯНСОН.

Управление Военно-воздушных сил РККА—АЛКСНИС.

Управление Военно-морских сил РККА—В. ОРЛОВ.

Центральный комитет ВЛКСМ—А. КОСАРЕВ.

Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов—Н. ШВЕРНИК.

Центральный совет союза Осоавиахима СССР—Р. ЭЙДЕМАН.

Главное управление Северного морского пути—С. ИОФФЕ.

—о—

Алкснис.

Начальник военно-воздушных сил РККА.

ОНИ ПОКАЗАЛИ ОТВАГУ И ИСКУССТВО ПИЛОТАЖА.

Челюскинцы, летчики — Герои Союза ССР!

Летчики, техники и инженеры, летчики-наблюдатели и штурманы военно-воздушных сил РККА шлют вам—Героям Союза и орлам Арктики — пламенный воздушный привет!

Своей отвагой и самоотверженностью вы спасли жизнь сотни смельчаков-челюскинцев, исследователей и завоевателей великого Северного морского пути.

Своим дерзанием и высоким искусством техники пилотажа вы доказали, что полеты наших самолетов возможны даже в исключительно суровых и сложных условиях далекого Севера в наиболее трудный и тяжелый период года.

Ваша работа и успехи—это живое доказательство новых возможностей, новых побед, достигнутых под руководством партии и товарища Сталина в завоевании новых областей и районов применения нашей авиации, доказательство того, что наш далекий и суровый Север может и должен быть окаймлен не только великим Северным морским путем, но и воздушными линиями, работающими круглый год.

Ваша смелость и отвага, ваша доблесть, честь и слава послужат примером в нашей учебе и работе.

Вперед к смелым и дерзким полетам по преодолению и овладению воздушной стихией—к новым успехам, к новым победам!

—о—

Г. Королев.

Начальник Главного управления авиационной промышленности

ВЫШЕ ЗНАМЯ СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ!

Подвиги наших героев Арктики еще больше мобилизуют нас, работников авиационной промышленности, на борьбу за овладение высоким культурным уровнем авиационной техники.

В день радостной встречи челюскинцев приветствую героев от имени коллектива рабочих, инженерно-технических и руководящих кадров авиационной промышленности.

—о—

Е. Оппоков.

Академик.

КАКАЯ РАДОСТЬ...

...Какая радость встретить целыми и невредимыми горсть людей, вызвавших своим героизмом, своей беззаветной преданностью идее родины восхищение всего мира!

Привет беспредельной отваге и мужеству, выносливости и искусству, победившим нечеловеческие трудности!

УСТАНОВКА РАДИО В ЛАГЕРЕ ШМИДТА.

Э. КРЕНКЕЛЬ.

После погружения «Челюскина», в сумерках в пурге—перекличка. Нехватает одного человека. Вспотевшие, мокрые от бешеной работы люди на 30-градусном морозе и при семибальном ветре продолжают работу. Собирают раскиданные грузы, приступают к установке палаток. Радиобригада занята установкой мачт. Уже сильно темнеет, отдельные вещи раскиданы в разных местах. Где колышки мачт? Помощников много, но дело двигается медленно. Колья, пробив снег, дойдя до льда, не хотят держаться, мачта падает. Отворачивая лицо от ветра, в сумерках снующие по будущему лагерю люди натыкаются на оттяжки мачты, вот-вот повалят ее. На три топора огромный спрос, но для радио получаю топор вне всякой очереди. Наконец мачты стоят. Оттяжки частично расчалены на колышки, частично за ящики с папиросами. Приступаем к разматыванию и под'ему антенны! Уже совсем темно, люди путаются ногами в антенне, грозят повалить с таким трудом поставленные мачты. Происходят весьма краткие, но тем не менее красочные диалоги. Антенна поднята, тоненькие мачты, как под непосильной ношей, изгибаются смычками.

Временная заминка. Единственная палатка занята женщинами и детьми. Негде разместиться с радиоаппаратурой. Наконец около мачты вырастает палатка. Договариваясь с хозяевами, начинаю вносить свою аппаратуру. В угол—аккумуляторы, потом передатчики, приемник, всякую мелочь. Пол палатки — лист фанеры. В углу на ремнях начинаю собирать радио. Освещение небогатое—фонарь с разбитым стеклом. Наш общий любимец, художник Федя Решетников следит за моими руками и светит мне фонарем. Приходится работать голыми руками: плоскогубцы, нож, провода своим холодом жгут руки. Изредка грею руки в рукавах, но, к сожалению, тепла там мало. Начинает не то подсыхать, не то подмерзать мокрое от пота белье, затекают колени. Нельзя даже протянуть ноги, так как палатка доотказа набита людьми. Наконец, приемник включен. Снимаю шапку, одеваю трубки—жжет морозом уши, но трубки быстро нагреваются. Приемник исправен, работает. Верчу ручки приемника. Вот. Что-то слышно. Настраиваюсь...

Хорошо слышна работа Уэллена с мысом Северным. Спрашивают друг у друга: «Слышал «Челюскина»?»

Включаю передатчик. Зову обоих. Передатчик работает хорошо, все исправно. Ответа нет... Опять слушаю...

Иду к Шмидту. Задача нелегкая. Наступая на чьи-то ноги, опираясь руками на чьи-то головы, добираюсь до выхода, ныряю прямо в сугроб. Темнота, пурга, ветер. Спотыкаясь по незнакомой пока дороге, иду к малюсенькой палатке Шмидта. Всю палатку занимают двое: Шмидт и Бобров. По приглашению кое-как залезаю в палатку, сажусь на ноги Отто Юльевича, докладываю о слышанном. Не дожидаясь вопроса, говорю, что мы зовем материк, что пока в исправности, но нам не отвечают.

Бреду обратно в радиопалатку. Опять слушаю... Опять зову... Нас не слышат. Беру волномер, меряю волну. Да, шансов мало. Наша волна 300 метров, вряд ли ее слушают. Надо удлинять антенну, но в темноте, в пурге—это невозможно. Надо ждать до рассвета. Отто Юльевич разрешает ждать до утра. Еще слушаю, зову, не без результата... Ложусь спать. Голова на коленях Стаханова, ноги на животе... Палатка хлопает от ветра, фонарь коптит. Как-будто все спят, но изредка то тот, то другой лежа закуривает... Не спится. Холодно. Чуть начинает рассветать, поднимаю радиобригаду. Удлиняю антенну... теперь наша волна 450 метров—нас должны услышать.

Слушаю, зову. Слышна работа Уэллена, мыса Северного. Проходит час за часом, аппаратура вся в исправности. Изредка докладываю Отто Юльевичу о слышанном.

Отто Юльевич отзывает меня в сторону. Тихим голосом, чтобы не слышали окружающие, задает вопрос: «Свяжемся с берегом?» Смотрит испытывающим, пристальным взглядом. Выдерживаю взгляд: «Да, свяжемся. Станции предупреждены, слушают нас. У нас очень маленькая мощность, должны удлинить волну».

Продолжается слушание, вызовы. Проходит полдня. Сажаю за приемник Иванова. Сам устраиваюсь у камелька. Ноги в тепле, но голова и спина мерзнут. Начинает клонить ко сну. Слышу, как Иванов стучит ключом. Кругом тихо, все на разборке, на месте аварии. Вдруг Уэллен отвечает. Сон как рукой сняло. Ничего не спрашивая, кубарем выкатываюсь из палатки и сразу же начинаю кричать: «Где Шмидт?» Люди чувствуют необычное. К месту аварии, где работают, по эстафете идут слова: «Отто Юльевич, радио!!!» Шмидт оборачивается, видит меня бегущим. И вот небывалое зрелище... Шмидт... Отто Юльевич... бежит: «Связались?» — «Да!»

Через десять минут идет радиограмма правительству за номером первым. Работает, называем радиостанцию «Челюскина»—бывшего «Челюскина».

Да, но откуда радиограмма?

Тут раздается название: «Лагерь Шмидта».

Заступаю на бессменную вахту.

ЧЕЛЮСКИНЦЫ И СТРАНА СОВЕТОВ.

И. БАЕВСКИЙ.

Не на всех картах СССР, привольно раскинувшегося на двух материках, имеется тот участок арктического моря, где нам пришлось жить и работать. Чукотский полуостров оттискивается в самый угол карты справа кверху так, что для Ванкарема, Уэллена, куска моря с лагерем Шмидта — точки, известные теперь каждому школьнику — на картах часто нет места. Этим точкам пришлось волею событий на много дней сделаться центром СССР и даже всего мира. Там находились челюскинцы.

Долгие месяцы дрейфа «Челюскина» тянулись, казалось нам, однообразно. Сегодня тащит все поле льда вместе с нами на северо-запад. Это результат двух — трехдневных юго-восточных отжимных ветров. Несколько дней назад нас дрейфовало в другом направлении. Только и разницы. Все остальное похоже день на день. По-прежнему заготовка пресного льда; попрежнему интенсивная научная работа и учеба; попрежнему в вечерние два часа после ужина игра на пианино в кают-компании, песенка о 15-ти медвежатах, купающихся в море, грустная «В гавани, в далекой гавани», исполняемая штурманом Марковым. День похож на день. Только бессолнечные сумерки становятся продолжительнее... Это где-то на юге, там, за горизонтом, все выше и выше поднимается уже забытое нами солнце. И мы все страстно ждем, когда хоть краешек его, так не замечаемого нами в широтах Москвы и Ленинграда, покажется на юге. Только краешек или хотя бы только один луч!

О чем же радировать в СССР? В Москву, в центр, в газеты? Почти одно и то же, неделя за неделей. Наши спецкоры—мы обслуживаем свыше десятка газет—опустили руки и перья. О чем писать?

И вдруг один из спецкоров входит с масляной улыбкой. Он, видите ли, получил нагоняй от своей редакции. Почему он мало информирует? «Давайте больше корреспонденций, описывайте будни «Челюскина», учебу коллектива, научную работу корабля, дрейфующего полярной ночью в неизвестное. Понимаете, им мало того, что я пишу. Видимо, «Челюскиным» там, на материке, здорово интересуются». Да, страна, наш Союз, кующий за день жизни годы работы, интересуется нами! Требует подробных описаний всего, что кажется нам приевшимся, обычным, неинтересным, и мы наливаемся гордостью. Мы, сотни человек, заключенные в ненадежную скорлупу, и СССР! О, новыми связями прирастаем мы друг к другу. Крепче становится и без того крепкий коллектив. Крепче, чтобы быть достойным великого СССР, такого — до обидности — далекого и такого — до нежности — близкого.

И. БАЕВСКИЙ В ПАЛАТКЕ ОРГАНИЗОВАЛ «ПРАЧЕЧНУЮ» И СТАРАТЕЛЬНО СТИРАЛ В НЕЙ НОСОВЫЕ ПЛАТКИ...

МЫ ЖИВЕМ ОДНОЙ ЖИЗНЬЮ СО ВСЕМ ВЕЛИКИМ СОЮЗОМ.

Приближаются дни партийного с'езда. Далеки, очень далеки дни, когда партийным с'ездом интересовались только партийцы и передовики-рабочие. Теперь, второй уже десяток лет, партийный с'езд — это перевал для всей страны. А мы, «Челюскин», — кусочек этой удивительной страны. Как же можно нам обойтись без радостных волнений предс'ездовского месяца? Как же можно нам не гореть в часы тишины, когда вся страна с настороженным вниманием слушает Сталина, Кагановича, Молотова, Ворошилова? И мы не обходились без волнений, и мы—вместе со всей советской страной.

Тезисы докладов нам поймать не удалось. Ни парадоксальный Кренкель, известный всему радиомиру, ни улыбчиво-женственный Иванюк не помогли нам своим опытом и настойчивостью. Тем обязательнее был для нас полный прием докладов. И мы почти полностью приняли доклады Сталина, Молотова и Кагановича.

Отто Юльевич оказал нам всем неоценимые услуги. С мягкой настойчивостью, так удивительно характеризующей этого несравненного товарища и друга, он почти на одного себя взял труд радиоприема докладов. Ему, активному политическому работнику и организатору, было тяжелее, чем кому-либо из нас, находиться вдалеке от Москвы, где сейчас билось сердце партии. И он уничтожал расстояние наушниками. С лихорадочно-блестящими глазами он набрасывал своими длинными пальцами слово за словом, знак за знаком, каракулю за каракулей. В целом — после трудной расшифровки — получалась монументальная речь Сталина, глубокая, местами до осязания живая речь Кагановича, убедительно-насыщенная речь Молотова.

А расшифровка была трудной. Часами диктовал Отто свою запись Сергею Семенову. Некогда автору «Натальи Тарповой», теперь, — как мы шутили, — «литературному цензору» Сталина в тех местах, где запись радиоприема никак не отвечала стилю речи вождя.

Свежие, только что отпечатанные на машинке листы немедленно расклеивались. Около них собиралась толпа. В промежутке голов плотно стоящего первого ряда втискиваются головы находящихся сзади. Глаза пожирают слова и цифры. Как крепко эти изумительные, простые слова откладываются в жадно-впитывающей их памяти. «Мы можем теперь сказать, что первый, третий и четвертый общественно-экономические уклады уже не существуют, второй общественно-экономический уклад оттеснен на второстепенные позиции, а пятый общественно-экономический уклад — социалистический уклад является безраздельно господствующей и единственно командующей силой во всем народном хозяйстве». И к бурным, продолжительным аплодисментам партс'езда мы присоединяем аплодисменты своих горящих глаз и рвущихся сердец.

На «Челюскине» мы не имели регулярной информации. Вернее, мы не имели никакой специальной информации. Наша радиостанция была достаточно оборудована, чтобы принимать Хабаровск и Петропавловск. Иначе на льдине. Мы были вынуждены зверски экономить аккумуляторы. Мы сводили работу нашей радиостанции к скупым часам. Но мы хотели быть в курсе жизни нашей страны, в курсе жизни рабочего мира. И наша страна пошла нам навстречу.

Вскоре после схода на лед наладилась аккуратная информация ТАСС и Главным управлением Северного морского пути. Нас специально информировали. Читаешь полученную информацию и чувствуешь, что в ней продумано буквально каждое слово.

Радиограмма подписана Иоффе. Видишь, как этот товарищ, быстрый и экспансивный в работе, трижды перегруженный, ибо три члена коллегии с самим Шмидтом во главе зимуют в Арктике, внимательно вычеркивает лишние слова. Отправляемая телеграмма получает шлифовку лапидарного приказа. Иоффе находит время в Москве экономить наши аккумуляторы здесь. Нас бесконечно трогала эта суровая внимательность наших московских товарищей.

В телеграфной сводке сконцентрировано все, что нас может и что нас должно интересовать. В первую очередь дислокация мероприятий помощи: маршрут «Смоленска» и «Сталинграда»; выезды летчиков из Москвы и Иркутска; продвижение Ушакова, Леваневского и Слепнева через Америку; рейды группы Каманина — Молокова и группы Галышева, Водопьянова, Доронина; поход «Красина».

КАК ВЫРОСЛА ЗА ГОД НАША СТРАНА!

Нас интересует жизнь нашей страны. «В Магнитогорске пущена пятая печь с производительностью 1.100 тонн металла». Отто Юльевич сам вслух читает сводку. В его голосе торжественная гордость за великую страну, сыном которой является он сам и мы все — его друзья и товарищи по «Челюскину». «Ого! Пятая печь! Тысяча сто тонн металла!» — вырывается сразу у нескольких кончающих судостроительный вуз. Это волнует не только их — Задорова, Колесниченко, Мартисова. Это волнует всех нас: и штурмана Павлова, и физика Факидова, и печника Николаева.

Неизвестно, что радует нас больше: индустриальные успехи страны или сообщения о ходе мероприятий помощи нам. Вот информация Отто Юльевича от 12 марта. Сообщение о том, что ремонт «Красина» будет закончен вместо 4 месяцев в 25 дней. Такое обязательство приняли на себя рабочие и технический персонал Балтийского завода. Двойное чувство охватывает нас. Мы несколько иронически улыбаемся. Мы верим, мы знаем, что «Красин» нам не понадобится, что задолго до подхода к нам «Красина» вся операция будет закончена нашими летчиками. Но «в 25 дней вместо 4 месяцев»! Как выросла за год нашего отсутствия наша любимая страна. И возгласы удивления, гордости и радости мешают дальнейшей информации Отто Юльевича.

А дальше идет сообщение о том, что в Кичкасе задута вторая домна Запорожстали: что в Московской области на 5 марта отремонтировано 3.346 тракторов: что в Лок-Батане забил 4 марта нефтяной фонтан высотой до 25 метров, дающий ежедневно до 10 тысяч тонн нефти: что на Украине и в Крыму успешно идут сверхранние и ранние севы. Москва, Запорожье, Лок-Батан, поля Украины и Крыма! Лагерь Шмидта, новая географическая точка, самый молодой социалистический город советской страны, живет вместе с вами, трактористы Москвы, вагранщики Кичкаса, нефтяники Лок-Батана, колхозники всего Советского Союза. Мы вместе с вами строим чудесную стройку, имя которой социализм.

Страна, весь мир волнуются за нас, ибо каждый день — это неизвестность. К нам, на дрейфующую льдину, просачивается это волнение миллионов. Но помимо лагеря Шмидта наша страна и рабочие всего мира имеют другие заботы. Они значительнее, неизмеримо важнее, чем судьба нас, сотни челюскинцев. Судьбы миллионов пролетариев решаются сейчас в Японии, Австрии, Германии, Испании. В Испании растет революционная волна, изменяют социалисты и анархисты, в отдельных районах побеждают стачечники... Кривая наших настроений то падает возмущаясь, то ползет вверх ликуя и радуясь... Что-то непонятное происходит в Австрии: бои в Вене... выступления фашистов... удачное сопротивление восставших рабочих. Что там: победоносная революция или дикий разгул фашистских орд? 35-градусный мороз не охлаждает нашего революционного нетерпения. Мы просим Москву повторить перепутанную и непонятную радиограмму. Не только считанные вольты нашей аккумуляторной батареи,—силы наши готовы мы отдать за наше общее дело, восставшие рабочие Вены!

МЫ ГОТОВЫ В ЛЮБУЮ МИНУТУ К ЗАЩИТЕ СОВЕТСКИХ ГРАНИЦ!

Среди нас, челюскинцев, почти нет дальневосточников. В основном мы — ленинградцы, архангельцы, москвичи, мурманцы. Но назревающие события на Дальнем Востоке волнуют нас так же, как волнуют они приволжских колхозников, уральских металлистов, горняков Донбасса, подмосковных текстильщиков... В Манчжоу-Го японцами амнистированы белогвардейцы... Японским отрядом положена лесная концессия КВЖД... Японцы превратили Жэхэ в военную базу... У входа в владивостокскую бухту задержана японская шхуна, оборудованная радио... Шхуна выполняла шпионские задания... День за днем готовится война, угрожающая нашему Дальнему Востоку. И мы, временно оторванные от активной работы по обороне страны, чувствуем себя крепко спаянным отрядом бойцов, готовых в любую минуту броситься на защиту советских границ.

23 февраля. День Красной Армии. Десять дней нашего пребывания на льдине. Все десять дней — безустанная работа по строительству лагеря, по вырубанию и вытаскиванию изо льда всплывавших бревен, досок, бочек с горючим. Отдохнуть бы! Первый день за десять неслыханных дней, особенно после потрясшего всех нас дня 13 февраля. Предложение об отдыхе, сделанное на собрании вчера, было единодушно отвергнуто. Мы отмечаем годовщину Красной Армии усиленной работой.

Вечером митинг. Мы живем одной жизнью со всем великим Союзом. После доклада о Красной Армии Отто Юльевич с под'емом говорит о развернутых правительством мероприятиях помощи нам. «Правительство неустанно думает о нас, и мы отдадим все свои силы на освоение Арктики», — кончает он. Мы посылаем телеграмму, мы приветствуем тт. Сталина и Ворошилова. Сто человек поют «Интернационал». Звукам тесно в бараке, где всегда происходят наши вечера информации и докладов. Звуки рвутся за стены, туда, где в черной ночи движется в дрейфе на восток наша льдина, гонимая западным ветром.

Вечером 27 февраля после подробного доклада о речи тов. Молотова на партс'езде зачитывается телеграмма Политбюро ЦК ВКП(б) челюскинцам:

«Шлем героям-челюскинцам горячий большевистский привет. С восхищением следим за вашей героической борьбой со стихией и принимаем все меры к оказанию вам помощи. Уверены в благополучном исходе вашей славной экспедиции и в том, что в историю борьбы за Арктику вы впишете новые славные страницы».

Мы так же уверены в благополучном исходе нашей экспедиции, как в этом уверены вы, любимые вожди нашей страны. И мы обязуемся вписать новые славные страницы в историю борьбы за Арктику, если к этому зовут нас Сталин и Молотов, Ворошилов и Куйбышев, Каганович и Орджоникидзе. Взрыв восторга. Нам — такая теплая, такая родная телеграмма. Мы будем достойны вашего привета, вашего восхищения и вашей уверенности в нас, руководители партии Ленина!

ТАКИХ, КАК МЫ, МНОГО. ТАКИХ, КАК ЧЕЛЮСКИНЦЫ, ВСЯ СОВЕТСКАЯ СТРАНА.

В связи с вывозом из лагеря Шмидта 5 марта всех женщин и детей мы получили ряд приветствий. Скупая информация тов. Иоффе не могла все же не поделиться с нами тем восторгом, который охватил не только СССР, но и весь мир после перелета Ляпидевского, Петрова, Копкина. Мощь советской техники, связавшей нас—лагерь Шмидта—со всем СССР, ощущалась нами почти физически. Один—два дня, и мы получали ответ на наш запрос, получали отклики на случившееся с нами.

Первые прилеты летчиков принесли нам первые газеты и первые подробные устные передачи. Мы были ошеломлены. Нам казалось, мы делали обычное будничное дело, обязательное для каждого большевика, для каждого беспартийного строителя социализма, попавшего в необычное положение, подобное нашему. В нашем поведении на льдине, в нашей организованности и выдержке мы руководились одним: достоинством Советского Союза. Мы тянулись всеми силами, чтобы быть достойными сынами рабочего класса и нашей страны. В индивидуальном порыве каждого из нас терялась индивидуальность, и мы действовали как коллектив, спаянный советским цементом в одну стальную большевистскую глыбу. Мы должны крепить престиж Советского Союза, мы должны жить и работать так, чтобы нами гордилась великая партия Ленина—Сталина.

Оказалось, нас считают героями. На нас смотрят с удивлением. Не только наш родной СССР, но и чужой нам буржуазный мир. Мы, обыкновенный советский коллектив в сто с небольшим человек, показали, на что способен любой советский коллектив, если только он руководится в своей работе интересами всей пролетарской страны и указаниями большевистской партии. Таких, как мы,—много. Таких, как челюскинцы,—вся советская страна. И если все же страна, партия и правительство выделяют нас необычным вниманием и наградами, эти награды и внимание только обязывают нас в будущем.

Челюскинцы достойно вели себя на льдине. Челюскинцы, куда бы каждого из нас ни поставили партия и правительство, будут вести себя так, чтобы быть достойными своей великой страны, своей изумительной большевистской партии, своего несравненного вождя товарища Сталина.

НАШИМ ДОРОГИМ ГЕРОЯМ.

Тт. Ляпидевскому, Леваневскому, Каманину, Молокову, Слепневу, Водопьянову, Доронину и их помощникам и всем челюскинцам.

От колхозников, колхозниц и детей колхоза им. Штейнгардта, Саратовского края.

Как найти слова, чтобы выразить наше восхищение поступками, которые вы совершили! Таких слов, кажется, не существует. Примите наш искренний, от глубокого сердца привет.

С неослабным вниманием следил каждый из нас за событиями, развертывавшимися на суровой и холодной окраине, столь далекой, что даже и представить себе трудно. Вначале многие не верили. Шутка сказать: 100 человек на плавучей льдине, в открытом Полярном море, где-то за тридевять земель, при чем с женщинами, с малыми детьми. Как их спасти? Где найти для этого смельчаков? Не сробеют ли челюскинцы, дождутся ли на своей льдине помощи? Но смельчаки нашлись. Не таковы советские люди, чтобы сробеть и растеряться.

Каждый день, каждая получка газет приносили нам новую радость и уверенность в успехе. Мы следили за тем, как наш советский пароход «Красин» мчался через моря и океаны на помощь челюскинцам, как с другого конца земли летчики Каманин и Водопьянов стремились к цели сквозь метель и холод. Мы стали вполне уверенными, когда узнали, что летчик Ляпидевский коршуном спустился на пловучую льдину, выхватил из ледяного плена женщин и детей и доставил их на землю.

Ваши полеты, героизм челюскинцев вызвали повышенный интерес в деревне к газете. Газета и раньше была в колхозе не редкостью, но этой весной на газету появился особый спрос. Почти нет двора в нашем колхозе и во всех колхозах нашей МТС, которые не выписывали бы газету, а то и две.

Два месяца работы правительства по спасению челюскинцев и ваша изумительная работа, товарищи, приблизили к нам казавшуюся далекой, северную окраину Союза. Раньше мы и названий таких не слышали, как Уэллен, Ванкарем, бухта Провидения, мыс Челюскин, а теперь эти названия твердит каждый школьник. Каждому стала ближе вся необ'ятная, великая наша родина. Ваша исключительная смелость заражает всех на смелые и великие дела. После того, что вы совершили, как-то даже неудобно каждому не сделать чего-нибудь исключительного, чего-нибудь особенно полезного родине. Как-то совестно сидеть сложа руки. Но мы не бездельники. Работаем честно, как наказывал нам товарищ Сталин. Такого организованного, дружного труда, как в эту весну, еще не было в нашем колхозе. Один работает хорошо, а другой старается еще лучше. Яростное идет соревнование на колхозном поле. В два раза быстрее и раза в три лучше провели мы все весенние работы в нынешнем году, но и после того, как кончили сев, не успокоились. Тотчас взялись за прополку, за сенокос, начали тщательно готовиться к уборке.

Чтобы показать вам на факте, как теперь народ заботится о колхозе, приведем такой пример. После окончания сева мы установили по воскресеньям выходной день, чтобы колхозник мог сходить на базар, с'ездить в город по своим надобностям, вообще заняться домашними делами. Но далеко не все пожелали воспользоваться выходным днем. Многие добровольно, по собственному желанию, требуют работу.

Колхоз крепнет изо дня в день. Отставание колхоза в прошлые годы стало лишь воспоминанием. Мы растем и быстро движемся к зажиточной жизни.

Укрепляя колхоз, мы вместе с миллионами рабочих и колхозников укрепляем нашу родину. Мы в этом идем по вашим следам. Вы показали всему миру, на что способны советские летчики, советская наука, советские люди. Мы покажем, на что способны советские крестьяне, что могут сделать колхозы, какие они могут снимать урожаи, и пусть весь мир завидует нашим успехам.

На собрании, где составлялось настоящее письмо, наш колхозный сапожник тов. Иванов сказал так: «Раньше иностранная буржуазия смеялась над нами и говорила: «Вы не умеете ходить, не то что летать. Научитесь, мол, раньше ходить, а потом летать попробуйте». Пусть теперь дивуются наши враги, умеем ли мы летать, да еще как летать».

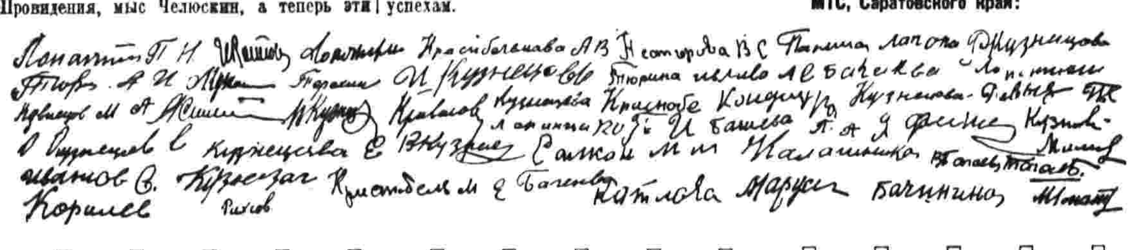
На эти слова тов. Иванова кто-то пошутил: «А не собираешься ли ты, дядя Петр, в летчики записаться?», на что т. Иванов серьезно ответил: «Смешного я тут ничего не вижу. Вот летчик Каманин, герой Советского Союза, тоже был сыном сапожника. Это раньше сапожник был последним человеком, а теперь и сапожник может сделаться самым почетным человеком своей родины. Ежели не я сам буду летчиком,—лета не позволяют,—то вполне надеюсь, что сыновья наши будут летчиками и героями». С этим все согласились. Действительно, наша молодежь мечтает теперь выйти в летчики и вообще сделать что-нибудь замечательное всем на пользу.

Мы пишем настоящее письмо с таким расчетом, чтобы вы получили его в тот день, когда вы приедете в Москву. В это время вас будут все приветствовать и воздавать вам заслуженную честь и славу. Примите и наше скромное приветствие. Поверьте, что мы все до последнего будем драться за великую честь нашей общей родины, за ее непобедимость, за могущество советской страны. Вы — наши сыны, наши братья. Мы гордимся вами и сами будет стараться поступать, как вы.

Да здравствует наша родина и ее героические сыны!

Да здравствует наш вождь товарищ Сталин!

Колхозники колхоза им. Штейнгардта, села Бугаевки, Ворошиловской МТС, Саратовского края:



Героическая наука.

«Спасены люди и научные материалы»,—так было в первом же сообщении с места катастрофы, и это повторялось неизменно во всех позднейших сообщениях О. Ю. Шмидта. На первом плане — люди, и сейчас же за ними — научные материалы — документы огромной ценности.

«Челюскин» был большой пловучей лабораторией, научным институтом среди льдов. Кипучая исследовательская работа в различных направлениях шла в то время, когда пароход еще двигался среди льдов. Она не прерывалась ни на минуту, когда судно застыло и двигалось уже лишь вместе со льдами. Она была прервана на одно короткое мгновение, когда судно ушло под лед, и все были заняты спасением и выгрузкой материалов. Продовольствие и горючее спасали вместе с научными инструментами, вместе с научными материалами, и первая заря в лагере Шмидта застала научных работников на посту за всякими измерительными приборами.

Научная экспедиция оказалась в бедственном положении, но прежде всего выяснились положительные и даже выгодные стороны этого бедствия. Не бывать бы счастью, да несчастье помогло. Оказалось, что именно в таком положении, при длительной стоянке на самой льдине, можно произвести важнейшие наблюдения над течениями. Оказалось, далее, что угрожающее лагерю Шмидта сжатие льдов—это тоже увлекательный материал для изучения, и в сумраке полярных ночей в полуразрушенном бараке, при свете доморощенных ночников можно работать, как в заправской лаборатории. Самолеты прервали эту работу. Они прервали также курс лекций по диалектическому материализму О. Ю. Шмидта.

Отважные ученые бывали уже в местах, пройденных «Челюскиным». История и карта арктических экспедиций пестрят славными именами, в подавляющем большинстве иностранными. Но, по общему правилу, ученый следовал за промышленником. Его научные изыскания были случайны. Ученый исследователь часто приносил свою жизнь в жертву науке совершенно бескорыстно, но курс на его карте прокладывала капиталистическая нажива.

Классическим героем арктических экспедиций был прежде смелый путешественник к Северному полюсу. Научный интерес был смешан с авантюризмом: манила не столько наука, сколько загадка. В героебезумце капитане Гаттерасе Жюль Верн очень хорошо собрал и выразил основные черты героизма прежних времен. И когда человек, наконец, достиг Северного полюса и убедился в том, что это пустое, безжизненное место — скованный льдами океан, интерес к арктическим экспедициям сразу остыл в капиталистических странах.

Американские арктические экспедиции прославили имя Элсворта. Его заслуги неоспоримы. Но он не исследователь, не капитан корабля, не летчик. Он капиталист, который давал Берду и другим исследователям деньги на экспедиции. Без Элсворта и его капитала американский самолет не перелетел бы через полюс. Другие экспедиции совершались на средства Форда, Астора, Рийта. Американские миллионеры баловались Арктикой,— содержать на свои средства научную экспедицию было одно время модой. Но капиталистический кризис заставил капиталистов сократить расходы на баловство,—и в последние годы Арктика в капиталистической ее части опустела и обезлюдела.

Эпопея челюскинцев ярко свидетельствует о новой эпохе в истории Арктики. Героическая наука не зависит в Советском Союзе от воли, прихоти, настроений, корыстных расчетов отдельных лиц или капиталистических компаний. Наука включена в общий социалистический план. Арктика осваивается социализмом наравне со всеми другими частями советской территории. Ученый смело идет вперед. Он воодушевлен высокими задачами, и в его научной страсти нет примеси авантюризма, слепого азарта, рекламной шумихи. Советская арктическая экспедиция—это подлинно научно-исследовательский институт на ходу, и в О. Ю. Шмидте, в его доблестных товарищах мы видим новый тип ученого, созданный советской страной,—исследователя-революционера, профессора-коммуниста. Как знаменательны эти лекции о диалектическом материализме у камелька, в полумраке палатки, в обстановке, когда слушатель, проникаясь великим учением о победе трудящегося человеческого коллектива над материей, ловит в то же время ухом угрожающий скрип льда...

Шмидт был на льдинах учителем челюскинской молодежи. Но и все челюскинцы стали учителями многомиллионной советской молодежи. В безопасной обстановке городских институтов, в уюте и тиши оборудованных лабораторий, которым не угрожает внезапно открывшаяся под ногами пучина, диалектический материализм кажется иным, только привычным «диаматом» — дисциплиной, которую надо усвоить в порядке сдачи обязательных зачетов и которая в сущности не имеет никакого отношения к работе над материалом. Но там, где материя встала грозной армией против небольшого человеческого коллектива и где нужен был величайший под'ем энергии, нужна была боевая подготовка,—там учение о революционной диалектике скрепило социалистический энтузиазм и научную страсть. День проходил в дружной, напряженной работе, а вечером в палатках слушали лекции о диалектическом материализме, прорабатывали доклад товарища Сталина на XVII с'езде, читали вслух Пушкина. И все это вместе было источником здорового оптимизма, незаменимым средством против «психования».

Вместе с продовольствием и топливом, вместе с приборами и теплой одеждой челюскинцы выгружали с собой на лед и свои пережитки,— их нельзя было бросить на корабле, как бросались пожитки. Сто четыре человека,— только младенцы среди них были совсем свободны от буржуазного наследства в навыках. Сто четыре человека — сто четыре индивидуальности. Большинство — беспартийные.

Катастрофа превратила экспедицию «Челюскина» в своеобразную экспериментальную лабораторию человеческого поведения. В условиях полной изоляции от советской страны сто четыре человека должны были налаживать коллективную жизнь. Смерть ежедневно смотрела в глаза кучке этих людей. Мировая история кораблекрушений полна рассказов о борьбе, которая разыгрывалась среди людей в таких условиях, об упадке духа, о мятежах, о бегстве... В капельке, взятой под микроскоп, глаз наблюдателя открывает ту же жизнь, которая идет во всем океане. И в капельке советского мира, выброшенной на льды Арктики, происходили те же процессы, что во всей советской стране. Коммунисты образовали естественное ядро коллектива. Образцовая дисциплина поддерживалась высокой общественной сознательностью. Лед расходился в трещинах, люди сплавлялись в тесном содружестве. В тяжелых условиях намечались контуры и той жизни и тех людей, которые будут привычными в будущем коммунистическом обществе. Люди работали и учились. Наука и учеба заполняли время,— это были наука и учеба для социализма, и уныние, упадок настроения, маловерие не смели переступить порог палаток и выли жалобно снаружи вместе с штурмующим ветром.

Я. ГАККЕЛЬ СДЕЛАЛ ОКНА ИЗ ФОТОПЛАСТИНОК. В ЕГО ПАЛАТКЕ ТЕПЛО И СВЕТЛО.
Рисунок художника ФЕДОРА РЕШЕТНИКОВА.

Люди победили. Они победили не только стихию Арктики. Они победили и стихию буржуазных пережитков, угрожавшую им не в меньшей степени, чем стужа, бури, морская пучина. Челюскинцы доставили в неприкосновенности ценные научные материалы и обогатили арктический исследовательский опыт. Но они обогатили и наш опыт социалистического строительства, потому что палатки и бревенчатый барак на льдах не уступают по своему значению любому гиганту: в них та же большевистская энергия, та же научная страсть, та же беззаветная преданность делу коммунизма.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ.

Фото В. ТЕМИНА, доставлено из Свердловска в Москву самолетом.

По дороге в Москву: на одной из станций около Иркутска дети встретили челюскинцев цветами.

Г. Прокофьев.
Командир стратостата «СССР-1».

АРКТИКУ ПОКОРЯТ ТОЛЬКО БОЛЬШЕВИКИ.

Победила организованность и сплоченность большевистского коллектива, — и в этом самое замечательное в эпопее челюскинцев. Преодоление ледяного похода и плена с такой славой доступно только нам.

Арктика так и осталась мечтой буржуазных «исследователей». Ее покорят только большевики.

Пурга, стужа и ледяные пасти поглотали не один десяток исследователей. Не раз Арктика сурово расправлялась с десятками посланцев и неорганизованных кучек от капиталистов. Многим памятны экспедиции в Арктику, где человек, плененный стихией, озверев, с'едал человека. Это у них.

У нас лагерь на льдине — школа и исследовательский институт. 2 месяца ледяного плена — 2 месяца непреклонной веры в победу триумфаторов социалистической авиации. Челюскинцы и герои Советского Союза летчики: Слепнев, Леваневский, Ляпидевский, Молоков, Каманин, Доронин, Водопьянов — символ грядущих, окончательных побед человека в далекой Арктике и неизведанных высотах стратосферы.

Привет вам, товарищи, привет.

Тов. Рябушенко.
Пилот гражданского воздушного флота.

КАК И СЛЕДОВАЛО ОЖИДАТЬ...

Сообщение о том, что «Челюскин» пошел ко дну, застало меня в санатории, где я отдыхал вместе с тов. Водопьяновым. Когда Водопьянова назначили в спасательную экспедицию летчиком, я с ним много беседовал о работе, которая ему предстояла.

Зная хорошо Водопьянова по совместной с ним работе в отряде «Правды» (мы перевозили матрицы «Правды» в центральные города Союза), я считал своим долгом напомнить ему о необходимости в тяжелых условиях Севера не увлекаться скоростями, тщательно оценивать условия, беречь машину. Он со мной соглашался и сказал: «Я учту все особенности, в которых мне придется работать, но задание, возложенное на меня партией и правительством, я выполню». С этими словами он со мной попрощался.

Задачу свою Водопьянов, как и другие летчики, выполнил блестяще, как и следовало ожидать. Я никогда не сомневался в том, что наши летчики, опираясь на нашу растущую авиационную технику, на могущественную поддержку всей страны, справятся с любыми трудностями.

Густав Инар.
Участник Парижской коммуны.

Привет участника Парижской коммуны.

Горячий привет героям Арктики—челюскинцам и героям-летчикам—славе и гордости Советского Союза. Я счастлив, что еще могу разделить радость героического пролетариата СССР.

ПРИВЕТСТВИЯ ЧЕЛЮСКИНЦАМ.

В редакцию «Правды» поступают многочисленные приветствия на имя челюскинцев и героев-летчиков от различных учреждений, организаций, предприятий, коллективов и от отдельных лиц. За недостатком места даем краткий перечень приветствий, полученных за последние два дня: **от Общества старых большевиков, от Центрального совета Осоавиахима СССР, президиума МГСПС, организаций г. Бежицы, треугольника Соликамского калийного комбината, коллектива иностранных рабочих завода им. Орджоникидзе, рабочих-ударников завода «Парижская коммуна», завода им. Лепсе, 1-го Государственного часового завода** (Москва), **Киевского краснознаменного завода, участников Каракумского пробега и Балхашской экспедиции за подписью А. Мирецкого, от колхозов Одесской, Воронежской, Азово-Черноморской и др.** областей, **директора Всесоюзного арктического института проф. Самойловича, вице-президента Белорусской академии наук Т. Домбаля, акад. С. Я. Вольфсона** (Минск), **артиста Козловского, народных артистов республики: Ю. М. Юрьева, П. М. Садовского и Певцова, заслуженных артистов республики: А. Дикого, Ц. Мансуровой, М. Светловидова, художника И. Бродского, архитектора В. Веснина, писателей А. М. Толстого и Анны Караваевой, директора завода № 39 С. Маргопина.**

Поступают приветствия и из-за границы.

В палатке нас было пятеро.

Наступила первая ночь на льду. Около восьми часов работали челюскинцы при 32-градусном морозе, и всех манила мысль укрыться от ветра, отдохнуть. Начинают расходиться.

— Место в палатке есть?

— Есть, залезай!

Так подбираются группы. Я заглянула в одну палатку, там было человек десять. Устроиться невозможно. Иду к другой палатке.

— Сколько здесь человек?

— Пока я один! — слышу голос из тьмы.

Узнаю одного из научных сотрудников. Подошли еще трое, организовалась группа в пять человек: **Баевский** — прекрасный товарищ, способный вовлечь в беседу любых слушателей, всегда готовый поделиться своими богатыми разносторонними знаниями; **Копусов**—заместитель Шмидта; инженер-физик **Факидов** или, по-челюскински, Фарадей—пылкий, настойчивый, смелый молодой ученый, до 16 лет не знавший ни слова по-русски и за последние 12 лет овладевший высотами науки; моторист **Иванов,** он же дядя Саша—любитель русских заунывных песен. Я присоединилась к этим товарищам.

Надо устраиваться на ночлег. Получили по спальному мешку из собачьих шкур. Зажгли фонарь «летучая мышь», залезли в мешки, повалились на бугристый ледяной пол, местами покрытый фанерой, и через мгновение заснули.

Утром назначают всех на работы. Баевский и Факидов идут на майну вылавливать строительные материалы. Копусов начинает учет продовольствия. Иванов отправляется в «мастерскую ширпотреба» для изготовления необходимых хозяйственных предметов. Меня избирают старостой палатки, и я начинаю вести наше маленькое палаточное хозяйство.

Товарищи работали часов до двух. В лагере за это время соорудили походный камбуз. Я разыскала необходимые для обихода предметы: 5 кружек, 3 вилки, 2 ложки, ведро, примус и 5 примусных иголок. В 2 часа иду с ведром за супом. С подветреной стороны камбуза стоит уже человек восемь. Кто с кастрюлей, кто с ведром, кто с чайником или тазом. Началась раздача. Подходят товарищи из одной палатки, которой нехватило посуды. Тут же у костра, помешивая вилкой или щепкой, с'едают суп, чтобы еще раз наполнить свои кружки.

После обеда получили на складе малицы. Разыскали среди ропаков свои вещевые мешки, пять подушек, один матрац и занялись усовершенствованием палатки: заткнули в нескольких местах порванный брезент простынями, сравняли ледяные бугры пола, сплошь покрыли его фанерой, на которую настелили войлок. Когда палатка была приведена в порядок, нагрели ведро снеговой воды и под открытым небом, при свете луны, устроили первое умыванье.

Затем вскипятили чай, достали галет и расположились вокруг ведра, из которого клубился пар.

Из вещевых мешков вытаскиваем случайно захваченные с парохода книги. Мы оказались богачами: наша палаточная библиотека имеет первый том физики Хвольсона, Эггерта, Меншуткина, том технической энциклопедии и томик Пушкина.

Баевский, высунув из мешка голову в меховой шапке, начинает читать «Медного всадника».

Постепенно сказывается усталость. Раздается храп. Чтец с сожалением закрывает книгу и через минуту засыпает сам.

За ночь, под напором ветра и снега, палатка расшаталась и осела, брезент почти закрыл спящих. Такая же участь постигла еще несколько палаток. Утром часть людей освободили от общих работ для перестройки палаток.

Мы работали над устройством своей палатки втроем. Вынесли из нее все вещи, сняли брезент. Углубили палатку в лед и сравняли площадку. Снова натянули старый брезент. Подперли посредине стойкой. Сверху натянули такой же брезентовый полог. Получились двойные стенки с воздушной прослойкой.

С этого дня лагерь начал жить по расписанию. В семь часов—побудка, с восьми до двенадцати — работа, час перерыва на обед, с 13 до 17 часов — работа, в 17 часов — ужин.

Обязанности дневального не сложны, но утомительны. Встать в 7 часов, разжечь примус, принести ведро снега, вскипятить чай и напоить палаточников. В 8 часов все уходят на работу.

Дневальный остается работать в палатке. Несмотря на то, что керосинка горит беспрерывно, за ночь свод палатки покрывается слоем снега. Ежедневно соскабливаю ножом этот снег. Ставлю в один угол керосинку, в другой — примус. К обеду не только удается просушить брезент, но даже нагреть палатку настолько, что можно сидеть в свитре. Но приходят на обед товарищи, открывают брезентовый полог палатки и выпускают накопленное с таким трудом тепло. За обедом быстро поглощается кружка супа. Немного отдохнув, все снова уходят на работу. Оставшись одна до ужина, занимаюсь починкой меховой одежды и шитьем рукавиц. Недостатка в работе нет. Много заказов из соседних палаток.

В 5 часов—снова у камбуза. Ужинаем, не торопясь, расположившись на спальных мешках. Вечера проходят содержательно и интересно, иногда товарищи по очереди рассказывают случаи из своей жизни. Затевается научный спор. Иной пессимист взгрустнет, что нет долго самолетов, размечтается о том, как он при первой возможности полетит на твердую землю, и выльет свою грусть в жалобных нотах тягучей песни; а Копусов, ободряя его, сам лелеет надежду улететь из лагеря... последним самолетом.

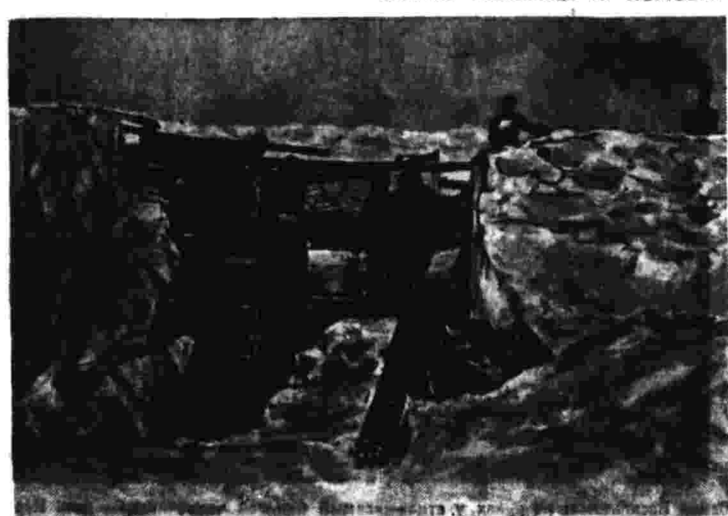
Иногда на мое замечание о том, что я хочу просить начальника отправить меня на берег в последнюю очередь, начинают горячо доказывать физическую слабость женщины и отсутствие у меня права на такую привилегию.

21 февраля через лагерь прошла трещина, разделив его на две части. Началось переселение. Палатка опустела.

П. ЛОБЗА.

Карта полета летчика ЛЯПИДЕВСКОГО в лагерь Шмидта 5 марта 1934 г.

Снимок челюскинца Н. КОМОВА.



После сжатия льдов: трещина разорвала барак пополам.

ЧЕЛЮСКИНЦЫ—ВЛАСТИТЕЛИ ДУМ ШКОЛЬНИКОВ.

Наша средняя образцовая школа № 7 Ленинского района по составу учащихся является типичной для большинства московских школ. Учатся в школе преимущественно дети рабочих близлежащих заводов—АМО 2, станкозавода, Апаковского депо. Героика наших дней, успехи социалистического строительства воспитывают и формируют нового человека. Особенно ярко это наблюдается в школе. Педагоги—обществоведы, литераторы, художники, географы—немало извлекли полезного учебного и воспитательного материала из героической эпопеи челюскинцев. Вот каковы наблюдения преподавателя географии нашей школы тов. С. Д. Менделеевой:

«Еще в прошлом году мы с учениками следили за походом «Сибирякова», отмечая его путь по карте. В этом учебном году программу об исследованиях Северного полярного моря мы прорабатывали по вырезкам из газет о рейсе «Челюскина». Ученики каждый день говорили, где находится «Челюскин», отыскивая его положение на карте. Сухой материал географических определений градусной сети одевался в плоть и кровь живых фактов.

С 13 февраля, момента гибели корабля, мы каждый урок начинали с известий о положении челюскинцев.

— Ну, кто знает сегодняшние новости о челюскинцах?

Этим всегда начинался урок, и ряд рук поднимался в классе,—все хотят говорить.

— По радио передавали,—говорит девочка,—что челюскинцы построили барак.

А ее сосед по скамье в «Комсомольской правде» читал, что челюскинцы построили вышку и приготовили аэродром. Весь класс стремился как можно больше узнать про далекий Север, к нему приковано было внимание учащихся. Несколько учеников приносило вырезки из газет и журналов. Мы решили: будем делать альбом и ежедневно все, что пишется о челюскинцах, вклеивать в него до их спасения. Да, до спасения. Мы были уверены в этом.

— Ну, если «Красина» послали, то всех спасут,—говорили ребята.

Другие возражали:

— Не будут дожидаться «Красина», ему надо 12.000 км пройти.

— Вот какой круг надо сделать,—показывал на глобусе **Ваня Егоров.** — Просто перевезут всех на аэропланах.

Оживленно шли прения. Дети не хотели уходить из класса, после звонка подолгу задерживались в кабинете географических карт, делились своими впечатлениями.

— Шмидт и Воронин уйдут последними,—говорил Муля Чернов.—Все капитаны спасаются после всех.

— Но ледокола уже нет, они на льдине, значит все равно,—возражали ему.

— Нет, капитан должен показывать пример,—говорил Муля,—он начальник и большевик и уйдет последний.

Несколько человек принесли карту пути «Челюскина», карту дрейфа его, сделали ее в увеличенном размере со всеми спасательными средствами. Она висела у нас в географическом кабинете. Поход «Красина» ученики 5-х классов каждый день отмечали флажками на карте полушарий, забегая туда, когда и не было уроков. Все хотели знать, где теперь «Красин», скоро ли придет он в Берингово море. И такие далекие, неясные, чужие слова, как Караибское море, Панамский канал, Калифорния, стали близкими и понятными. Ребята изучали карту. Они, не задумываясь, указывали и мыс Онман и Ванкарем, и «Сердце-Камень». С увлечением рассказывали про Чукотку, про ее суровый климат, про безбрежные ледяные пустыни и неведомые горы. Дети научились по координатам, переданным по радио, быстро ориентироваться по карте, а главное—наши дети научились у челюскинцев организованности, сплоченности, твердости в борьбе со стихией, беззаветной храбрости, чувству долга, чести и любви к своему отечеству и к своей партии.

Герои-летчики волновали умы учеников. Все восхищались ими, спорили, кто храбрей, кто больше спас, скорее прилетел. На обложках тетрадей учеников ребята разрисовывали портреты героев лавровыми листьями. Не только мальчики, но и девочки хотят быть исследователями, полярниками, летчиками. Челюскинская эпопея помогла нам с большим эффектом изучить программный материал. Челюскинцы своим героизмом дали образец для воспитания в детях чувства коллективности, организованности, сознания долга перед своей родиной».

Аналогичные отчеты дают преподаватели других дисциплин. Так, на уроках обществоведения дети искренне возмущались мнением фашистов, что после гибели парохода челюскинцы должны были двигаться пешком к берегу. Каждому ясно, что до берега дошли бы только очень немногие, физически сильные люди, и в первую очередь погибли бы женщины, дети и больные. Ребята с отвращением говорили о таком предложении.

Дети нашей страны знают, что только наше родное, рабочее государство так высоко ценит жизнь каждого трудящегося: они знают о великих заботах о детях нашей партии и любимого вождя всех трудящихся товарища **Сталина.** Вырванные из холодных льдов Арктики челюскинцы, герои-полярники, летчики, радисты, матросы—вот образ, воспитываемый советской школой в детях — будущей смене великих людей страны социализма.

Директор школы № 7 Ленинского района
АЛЕКСЕЙ ЛИХАЧЕВ.

Будем равняться по героям СССР.

Бортмеханик — важное звено в летном деле. На нем лежит ответственность за подготовку машины к полету. Он во-время обязан все осмотреть, весь самолет по частям проверить и перебрать. Бортмеханик должен очень хорошо знать особенности своей машины, особенно мотора.

Даже на оборудованном аэродроме, когда под рукой имеются все необходимые материалы, инструменты и приспособления, подготовка мотора к полету при 15—20-градусном морозе—далеко не простая вещь. Понятно, что эта задача особенно тяжела была в условиях Арктики, где бортмеханикам и летчикам пришлось подготовлять машины к полету в 40-градусный мороз при отсутствии каких бы то ни было приспособлений.

В этих условиях проявились прекрасные качества бортмехаников и летчиков: большое упорство, настойчивость, желание победить, доказать всему миру, что большевики не останавливаются ни перед какими трудностями. Только эти исключительно высокие качества, помноженные на прекрасную технику советских самолетов, позволили нашим товарищам победить тяжелые арктические условия.

Мы не ошибемся, если скажем, что каждый советский бортмеханик и летчик готов выполнить любое задание партии и правительства с такой же настойчивостью и с таким же упорством.

Удача в спасении челюскинцев не случайна, — она результат огромной, тщательно продуманной работы и подготовлена богатым, накопленным опытом наших летных кадров.

Основную закалку нашим летчикам и бортмеханикам, конечно, дала Красная Армия. Она приучает к дисциплинированности как в труде, так и в повседневном поведении, к точности выполнения всех работ.

Врагам Советского Союза есть над чем подумать. Они могли убедиться, какие у нас люди и как они работают в очень тяжелых условиях, как они геройски выполняют задания партии и правительства. Они могут не сомневаться, что при первой попытке напасть на нашу родину, мы им дадим сокрушительный отпор. Ведь мы будем защищать нашу родину, и уж мы постараемся оказаться достойными этой высокой чести!

В труде и в учебе мы равняемся по лучшим героям СССР.

Бортмеханики тт. Мухин А. П., Пионтковский Я. Я., Савочкин М. Г., Куропаткин Н. Ф. и Филатов Н. Д.

П. А. Молчанов.
Профессор.

ГЕРОЯМ ГЕРОИЧЕСКОЙ СТРАНЫ.

Мы знаем десятки блестящих героев нашей страны: героев социалистических полей, героев индустриализации, героев стратосферы.

В эпопее вошедшего теперь в мировую историю корабля «Челюскин» мы встретились с изумительным явлением героизма целого коллектива, показавшего, на что способен народ, воодушевляемый единой волей, одним стремлением к своему лучшему будущему.

Весь наш Союз приветствует в челюскинцах и их спасителях блестящее отражение героической эпохи нашей страны на сверкающих льдах далекой и суровой Арктики.

Привет героям героической страны!

Ленинград.

Вл. Лидин.

ИМЕНА, ВПИСАННЫЕ В ЗОЛОТУЮ КНИГУ.

В 1912 году офицер гидрографического управления Седов вышел на шхуне «Св. Фока», чтобы добраться до Северного полюса. Седов был мужественный, волевой человек. Он шел упрямо вперед, несмотря на болезнь и безнадежность. Царское правительство не наградило его именем героя. Его могила безвестна. В качестве героя выдвигался в ту пору Кузьма Крючков, казак, отличавшийся алкогольной жестокостью, сын и преемник тех, кто разгонял рабочие демонстрации и устраивал классические еврейские погромы.

Седов умирал, чувствуя свою отрезанность от мира и равнодушие родины. Его экспедиция была собрана наспех и не подготовлена к длительной зимовке. Героический сын своей родины, он погибал, не обласканный вниманием той, славу которой он пошел делать.

В золотую книгу социализма вписаны имена людей, которые названы Героями Советского Союза. Поступки наших летчиков поистине беспримерные и героические. Но героизм одиночки способен делать только случайный героический поступок. Здесь был показан образец коллективного героического дела.

Дени.

ВЕЛИЧЕСТВЕННАЯ ТЕМА ДЛЯ ДЕЯТЕЛЕЙ ИСКУССТВА.

Челюскинцы, летчики, мероприятия партии и правительства—все это величественная тема для деятелей искусства!

Эта героика, возможная только в стране Советов, показывает, на что способны славные сыны нашей великой родины.

Кем бы я хотел быть.

В Москве по Тверскому бульвару шли три мальчика вобнимку и разговаривали.

— Кем бы ты хотел быть? Шмидтом или одним из летчиков? — спросил крайний справа.

— Я? — переспросил средний, кивнув стриженой головенкой.

— Да, ты.

— Я хотел бы быть одним из летчиков.

— А почему не Шмидтом?

— Об этом трудно мечтать.

— А я, а я,— говорил крайний слева, самый маленький и самый загорелый. — А я, а я, — продолжал он настойчиво и остановился. Вместе с ним остановились и остальные два мальчика. — А я, — повторил он еще раз, заглядывая в глаза своим товарищам.

— Ну, что ты? — спросили у него недовольно.

— Я хотел бы быть челюскинцем, Шмидтом и одним из летчиков.

— О, какой ты ловкий,— заметили ему на это его приятели.— Так легко. А вот ты выбери.

— Тогда... тогда...— сказал он, на секунду задумавшись, и неожиданно выпалил: — Я хочу быть Героем СССР,— и все равно по какой линии.

И мальчик тонкой загорелой рукой плавно провел по воздуху. Словно этим движением хотел дать понять, что на этом разговор исчерпан.

Б. ЛЕВИН.

Снимок челюскинца-кинооператора С. ШАФРАН.

На аэродроме в Ванкареме. В центре группы челюскинцев—тов. ПЕТРОВ—председатель чрезвычайной тройки в Ванкареме (слева), рядом с ним — тов. КОПУСОВ.

Вл. И. Немирович-Данченко.
Народный артист республики.

ПРОСТОТА ГЕРОИЧЕСКИХ ЧУВСТВ.

Героическая эпопея челюскинцев должна не только произвести огромное впечатление на театр, на актеров и режиссеров, —она должна быть ими глубоко продумана.

У нас до сих пор и актеры и постановщики, представляя героев, становятся на ходули. До сих пор исполнители не только всех Раулей, Марселей («Гугеноты»), Дон-Карлосов, маркизов Поза, героев Гюго, но даже героев простого русского репертуара всегда стремятся к созданию каких-то непростых человеческих фигур. В жесте, в интонации, в мимике, — во всем они ищут таких внешних исключительных красок и черт, благодаря которым самое геройство кажется надуманным.

И вот пример челюскинцев показывает, что героями могут быть люди самые простые,—по виду такие, что, если не увидеть еще чего-то важного за их внешними проявлениями, они могут показаться самыми ординарными, ничем не отличающимися от обыкновенных людей.

Театры, и в частности актеры, должны подумать над тем, каким огромным внутренним огнем, какой стойкостью, какой преданностью своему народу должны обладать люди, чтобы быть подлинными героями в самых простых бытовых проявлениях, и каким пафосом необычайной простоты должен обладать актер, стремясь к созданию такого героического образа.

В постоянной борьбе за простое, реальное искусство, в постоянной борьбе с плохими театральными штампами, в постоянном стремлении творчески доказать, что простота вовсе не означает приниженности чувств и задач,—всегда ищешь примеров героизма. Эпопея челюскинцев дает потрясающие своей убедительностью образы и картины для актерского творчества, для могучего движения вперед истинно советского театра.

М. Ипполитов-Иванов.
Народный артист республики.

ПРИМЕР ВЕЛИЧАЙШЕГО ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЯ.

Горячий привет Героям Советского Союза, давшим изумительный пример величайшего человеколюбия всему человечеству. **Только дети нашей страны способны на такой бескорыстный подвиг.**

Наша великая родина воспитывает многие тысячи таких же отважных и бескорыстно преданных ей сынов, **готовых в любой момент стать на ее защиту.**

Людям железной отваги.

Вам — людям железной отваги, героям ледяной Арктики, чьи имена отважной рукой победителей вписаны в боевую историю борьбы рабочего класса за социализм;

Вам — бойцам великой армии строителей социализма, показавшим безграничную любовь и преданность родине;

И тебе — славному руководителю, железному командиру челюскинцев — Отто Юльевичу Шмидту, мы — красные танкисты: бойцы, командиры и политработники N-ской части — шлем пламенный боевой привет!

С величайшим восхищением и гордостью следили мы за вашей героической борьбой там, на далеком Севере, в окружении жестоких льдов.

Ваша мужественная, героическая борьба воодушевляла нас, зажигала в нас огонь энтузиазма, поднимала волю нашу на борьбу за полное овладение сложнейшей боевой техникой, на борьбу за высокое качество боевой и политической подготовки.

Наша часть вырастила десятки и сотни командиров машин, башен и механиков-водителей, являющихся подлинными мастерами — Изотовыми боевой техники.

Мы имеем в нашей части таких командиров и механиков-водителей, которые за все время их работы на боевых машинах не имеют ни аварий, ни поломок и даже вынужденной остановки.

Но все эти успехи, в сравнении с вашей героической борьбой и победами, еще очень скромны. Не останавливаясь на них, с железным упорством мы будем бороться за новые и новые победы!

Мы, танкисты, выражая свою любовь, готовность и безграничную преданность нашей родине, нашей любимой большевистской партии, ее вождю товарищу **Сталину**, заявляем:

Охраняя рубежи нашей социалистической родины, мы готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны. И тогда еще и еще раз увидят наши враги, в чем наша сила, на что способен рабочий класс, руководимый большевистской партией во главе с великим **Сталиным**, выпестовавшей героев-челюскинцев, героев-летчиков, героев-танкистов!

Командир-комиссар N-ской части Н. РАКИТИН.

Начальник политотдела ФР. БЛУМЕНТАЛЬ.

Ударники-командиры, политработники, бойцы: П. Шеляков, Макаров, Дуранов, С. Иванов, Н. Ассоров, Севрюков, Морозов, Н. Кислов, Чукалов, Головащенко, Паршин, Пукас, П. Горелов, Д. Бакулин, Редьков.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

НАЙДЕННАЯ РОДИНА.

О родине мы впервые официально узнали от отца Аркадия.

На молебне по случаю конца годичных занятий реального училища он произнес проповедь и в заключение сказал:

— Убережем белоснежную отчизну от прикосновения нечистых рук инородцев внешних и внутренних. Возлюбите православную вашу родину, как любит она вас, молодое поколение, лелея сосцами своими под скипетром обожаемого монарха и царской семьи.

Отец Аркадий, законоучитель реального училища, не отличался богатой фантазией и любил постоянство в формулировках. В следующем и во все последующие года мы, розовые приготовишки и подернутые первым взрослым пухом семиклассники, слышали в заключение учебных занятий одну и ту же проповедь. Опытные второгодники предупреждали молодежь:

— Сейчас о родине и сосцах будет говорить, — к концу дело идет.

В нашем классе из сорока учеников двадцать восемь причислялись к инородцам, хотя город был совсем не пограничный. Двенадцать парней именовали хохлами, восьмеро поляков стыдливо писали о себе «католик», из четверых евреев двое крещеных сторонились двоих некрещеных, двух братьев Гулькевичей батюшка отец Аркадий «раз'яснил» как белоруссов, а о Тюрякулове, сыне официанта вокзального буфета, в классе вспоминали, проходя по учебнику татарское иго. С задних парт метали в круглую красивую голову Тюрякулова бумажные стрелы и гудели низким хором:

— Батый, Тахтамыш, шурум-бурум, стары-вещ, казанска мылэ!..

Но и двенадцать великороссов отнюдь не чувствовали себя солью земли. Слова «родина» и «отечество» стояли в отдельном строю постылых, всем чужих слов, там же, где «самодержавие», «исполать», «в бозе почил», «августейший». Эти слова, пустынные и холодные, как каменная лестница в казенной палате, было столь же нелепо вводить в живую обиходную человеческую речь, как ставить у себя дома, в жилой комнате, тюремную парашу или полосатую будку часового.

Да и те, кому по должности надлежало вливать в нас, в подростков и молодежь, трепетную любовь к отечеству и народную гордость, — они сами стыдились своей патриотической словесности, чувствуя, как она крикливо далека от подлинной действительности, как смешна и убога при легчайшем прикосновении к жизни.

«Католики» барабанили у доски о заслугах усмирителя «Привислянского края» Муравьева. Тюрякулов барабанил историю татарских нашествий. Евреи барабанили «отче наш». Украинцы барабанили черносотенный бред о «Малороссии». Казенные преподаватели, сами неблагополучные по национальной принадлежности, хмуро выслушивали унылую, предписанную царским министерством, барабанную школьную дробь. Представители якобы правящей, якобы ведущей, якобы властвующей великорусской нации, в интересах будто бы которой совершалось унижение инородцев, — они сами чувствовали себя инородцами под небом своего отечества, враждебного, злого, неприютного. И Петька, сын черносотенствующего попа Аркадия, подрастая, ходил в еврейский публичный дом над Днепром, писал шалые письма цирковой наезднице Луизе Кук, предлагая обокрасть отца, удрать с Луизой в Америку, и честные мальчики, ища глоток свежего воздуха в нестерпимой столыпинской духоте, стучались в подпольные кружки на рабочих слободках.

• • •

Кругом нас жил народ — голодные, ободранные рабочие в грязных лачугах, нищие, обворованные помещиками мужики в дырявых избах. Что они знали о родине, что было родиной для них?

Те, кто сиднем сидел всю жизнь в одном медвежьем углу, не догадывались, что это и есть возлюбленное отечество белоснежная отчизна, лелеющая сосцами. К сосцам прильнули не они, а их хозяева, помещики, купцы, фабриканты.

Те, кто пускался по свету за куском хлеба, знали свою родину в размере требований полицейского регламента.

— Калужской губернии, Медынского уезда, Хворостянской волости, деревни Кукушкино, Кривые Выселки, хутор Кислый.

Здесь, на хуторе Кислом, под облезлыми ветлами, в темной конуре, составленной четырьмя рядами гнилых бревен, здесь числилась родина человека. За хутором Кислым начинался широкий, чужой мир, шумели ветры во все стороны, стояли казенные люди, шлагбаумы, щурились двуглавые орлы, холодели офицерские погоны.

А когда хотелось раздвинуть хутор Кислый, когда люди сиротливо звали отечество, искали родину на страницах книг, в песнях народных поэтов, их зову отвечали гневные оскорбленные голоса.

Ибо Николай Романов-Голштин-Готорпский значился истинно русским человеком, естественным хозяином шестой доли света, а Тарас Шевченко значился инородцем и внутренним врагом.

Ибо граф Бенкендорф стоял на страже родной славянской империи, а в Пушкине агенты Бенкендорфа находили чужую, негритянскую кровь.

И оттого литература громадной великорусской нации, официально господствовавшей над десятками многомиллионных народов (если не считать двух—трех придворных газет и писателей за два столетия), никогда не дышала национальной гордостью, никогда не решалась всерьез говорить перед миром о великом значении и историческом месте этой нации, а наоборот, удивила мир трагическим отречением от патриотизма, от любви к отечеству, от народной гордости.

Толстой, Достоевский, Гоголь, Пушкин струили по ветвям гениальных строк терпкую горечь обиды и стыда за родную страну.

Некрасов, переезжая российскую границу, хлестал отечество рифмованной матерной бранью.

Полежаев—поэт, гражданин, воин—кричал в лицо своей родине —

> Но ты, козлиными брадами
> Лишь пресловутая земля,
> Умы гнетущая цепями,
> Отчизна глупая моя!
> Когда тебе настанет время
> Очнуться в дикости своей?
> Когда с себя ты свергнешь бремя
> Своих презренных палачей?

Александр Блок,— его сжимала жалостью России, нищая Россия,—не выдержал долголетней страдательной спазмы, прорвался последней яростью —

> Пальнем-ка пулей в святую Русь,
> В избяную,
> В кондовую,
> В толстозадую!

Преданнейшие из преданных белоснежной отчизне, московские славянофилы, Хомяков и его друзья,— вот как они говорили о родине в стихах (1855), найденных в архиве цензора Никитенки.

> И зрел я Русь на поле брани
> В постыдном бегстве от врагов,
> Среди проклятий и стенаний,
> При сдаче рекрут-мужиков.
>
> Я видел дикий «свод законов»
> И души подлые судей:
> Я слышал стоны миллионов,
> И вопль обиженных семей.
> Видел ослов архиереев
> И сволочь грязную попов,
> Видел я школы для лакеев
> И государственных воров
> Я зрел позор моей отчизны,
> Я слышал гром ее цепей.
> И ужас этой рабской жизни
> Все возмутил в душе моей.
> И я поник главой мятежной
> И думал: «Русь, как ты грустна,
> Ужель еще есть на вселенной
> Такая жалкая страна?!»

• • •

Когда пришла пора добывать свою родину, это случилось не сразу и не легко.

Всю страну вместе и каждый ее клочок в отдельности пришлось заново отвоевывать, выдирать с мясом, обрызгивая кровью, своей и вражьей. Поп Аркадий и его правительство, и его класс не хотели отдавать рабочим и крестьянам белоснежную отчизну, они крепко повисли на сосцах ее.

Как потрясающе просто раскрылось в Октябре десяткам миллионов крестьян и рабочих сложнейшее учение Маркса—Ленина о капитализме, о войне, о пролетарской революции! После самой чудовищной из мировых боен солдат, повернув штык, увидел, что этим штыком можно добыть себе свой собственный дом, можно отвоевать права на свободный труд у той самой машины, к которой приковал его капиталист цепями рабства. И хутор Кислый, вместе с Кривыми Выселками, вместе с деревней Кукушкино, можно из постылой полицейской отчизны, куда ссылают по этапу, превратить в настоящую, любимую родину, где можно работать и жить, где можно строить и создавать для себя, для детей, для настоящего и для будущего.

Не сразу и не легко отстоялось в водовороте страстей и засверкало это новое, никогда еще не изведанное чувство завоеванного дома.

Сначала победа казалась и в самом деле была непрочной, незащищенной. Со всех сторон лезли страшные лапы с железными когтями, рвали победу назад к себе, отдирали крышу, рыли и проламывались из-под пола. Надо было устоять, защитить, подпереть плечом ворота.

Потом, когда война стихла снаружи,— зашуршал, как домовой, кулак. Он был тоже за родину, только за свою и на том же месте, где нашли свое отечество пролетарии, бедняки, середняки, колхозники.

Шуршали рядом с кулаком ярко раскрашенные человеко-насекомые, петлюровские, дашнакские, наццемовские жуки. Шуршали и зудели приблизительно то, что некогда зудел школьный поп Аркадий, только наоборот. Русских зачисляли в инородцы, а себя — в высшую расу, в избранный народ, какому невместно состоять в большевистском Советском Союзе.

Годы шли — в борьбе, в строительной горячке, в переделке жизни, но каждый год и каждый день в эти годы раздвигал стены, подымал своды, заливал светом и теплом вновь обретенную родину.

Как цветы из раскрытых солнцем почек, развернулись на удивление друг другу яркие сильные народы, превращая убогие колонизованные захолустья в чудесные края и области. Сухумский уезд расцвел Абхазией, Нальчикский округ — Кабардой, забытые Степи «где-то у города Верного» поднялись Казакстаном, огромной страной, полной сил, богатств и возможностей.

Узнавая свою родину вновь, мы с волнением преклонились перед ее изумительными просторами, мощным разнообразием братских народов, населяющих ее, и великим будущим создаваемого в ней бесклассового общества.

Советская страна с момента революции стала отечеством всех трудящихся. Пролетарии, крестьяне и интеллигенция бывшей царской империи, строя вместе с ленинской партией, со Сталиным Советский Союз, находят свою родину вдвойне. Они счастливы жить в социалистической стране — и счастливы своим независимым сильным существованием на земле, где они родились, где выросли, где разворачиваются их настоящее и будущее.

Не потому ли, как лозунг на весь мир, звенят простые слова из письма датского моряка о спасении «Челюскина»:

«Можно завидовать стране, имеющей таких героев, и можно завидовать героям, имеющим такую родину!»

Да, родина нашлась. Миллионы человек —беспартийных тружеников, пролетариев, крестьян, не будучи коммунистами и даже не вступив еще в колхоз, уже нашли в советской стране свою подлинную родину, нашли и полюбили ее и готовы отдать ей все.

Луша Левченко, колхозница, председатель екатериновского сельсовета,—как полна она всеми успехами и заботами родной страны! Она пишет летчикам Чукотки:

«Примите от меня, недавно рядовой колхозницы, а теперь председателя сельсовета, товарищеский привет. Приезжайте к нам в Екатериновку, и вы увидите, как много теперь у нас колхозных героев. Посмотрите на колхозные поля: все зеленеет, все колосится. Мы ждем урожая выше среднего, а ведь выпало всего два дождя. Высокого урожая, товарищи челюскинцы, добились наши колхозные герои, которые работали в этом году так преданно, как никогда раньше. Мы соберем весь урожай и не дадим пропасть ни одному зерну в поле. Будьте уверены в том, что мы свое слово сдержим».

И Александра Яблочкина, народная артистка республики, счастлива тем, что бурлит и растет вокруг нее.

«Как солнце, грея лучами землю, заставляет расцветать на ней все живущее, так идеи социализма, проникая в толщу народную, пробуждают и дают возможность осознать свои силы народу, будят мысль, крепят волю. В народной массе бьют живые родники изобретательности, талантов, мужества, чудесных подвигов... Новый строй нашей жизни открывает небывалые возможности для расцвета героизма. Партия и наша великая страна во всех областях воспитывают и родят героев».

И Анна Молокова, торжествующая, радостная мать Героя Советского Союза, твердо говорит ему:

«Иди, защищай свою родину. Смело вперед иди. Время такое подошло».

Да, это верно. Подошло такое время. Сигизмунд Леваневский, Отто Шмидт, Василий Молоков, Луша Левченко, Александра Яблочкина, — все знают, любят, гордятся своей родиной, чудесной советской страной, расцветающей в великую эпоху Ленина—Сталина. Пашут, строят, сеют, охраняют ее на земле, на воде и в воздухе, готовы отдать ей все и даже то самое лучшее, что есть у человека,—жизнь.

Неудачная вылазка фашистской дипломатии.

(По телефону от берлинского корреспондента «Правды»).

БЕРЛИН, 18 июня. Вся печать рвет и мечет по поводу того, что эмиссар рейхсканцлера по вопросу разоружения **фон-Риббентроп,** срочно выехавший с «частной» миссией в Париж, встретил вчера у **Барту** исключительно холодный прием.

Газеты возмущены ответом, данным Барту Риббентропу, а именно, что Германия должна со своими предложениями обращаться к Лиге наций и к конференции по разоружению.

«Берлинер тагеблат» утешается тем, что самый факт свидания представляет собой благоприятный симптом. «Барту, — пишет газета, — не уклонился от свидания. Он даже довольно долго беседовал с Риббентропом. И хотя Барту остался при своем мнении, не исключена возможность дальнейших встреч».

Гофман.

БЕРЛИН, 18 июня. (ТАСС). Парижский корреспондент **«Кельнише цейтунг»** с огорчением констатирует крайне враждебный тон наиболее авторитетных французских газет, рассматривающих активность Риббентропа как новый маневр Германии.

Парижский корреспондент **«Берлинер тагеблат»** сообщает, что «в Париже говорят о возможности в дальнейшем свиданий Гитлера с Барту и с Пилсудским».

ПАРИЖ, 18 июня. (ТАСС). Французская печать весьма оживленно комментирует встречу французского министра иностранных дел **Барту** с уполномоченным Германии по вопросам о разоружении **Риббентропом.**

Касаясь целей поездки Риббентропа в **Париж, «Тан» заявляет,** что маневры германской дипломатии свидетельствуют только о нервозности и о стремлении найти выход из исключительно тяжелого положения моральной и политической изоляции, в которой находится Германия. Многочисленные попытки Германии в этом направлении, пишет газета, потерпели поражение. Германия испортила отношения с Советским Союзом, в то время, когда СССР становится существенным фактором всякой системы безопасности в Восточной Европе.

«Пти паризьен» указывает, что поездка Риббентропа, «несмотря на свой относительный неуспех, должна привлечь внимание, ибо она является началом попыток не только Берлина, но, возможно, и Рима вывести Германию из состояния изоляции».

ВОИНСТВУЮЩИИ ФАШИЗМ.

(По телефону от берлинского корреспондента «Правды»).

БЕРЛИН, 18 июня. По воскресеньям в Германии обычно устраиваются парады и шествия штурмовых отрядов и гитлеровской молодежи.

К концу дня устраиваются митинги-концерты, на которых ведется безудержная шовинистическая пропаганда.

Нам пришлось быть свидетелями пятитысячного национал-социалистского митинга в **Вальдпарке** (Берлин).

Мы подоспели в момент, когда закончившие за городом учение штурмовики с ранцами и скатками парадным прусским маршем входили в сад и располагались вокруг трибуны.

Вскоре начался митинг. Сначала прибывших приветствовали представители районного руководства, а затем с большой речью выступил заведующий отделом пропаганды Шмаргендорфского района Шульце-Векзунген. Сделав обзор национал-социалистского движения после прихода к власти, докладчик остановился на задачах момента.

«Мы, — заявил он, — **подымем на ноги всех от мала до велика. Весь народ должен участвовать в борьбе с врагами. Германия окружена кольцом враждебных государств. Нам навязывают войну, и мы должны быть к ней готовы.**

Главным нашим врагом, — продолжал оратор, — **являются Франция и СССР. В Париже и в Москве куются против нас козни. Поездка Гитлера и Муссолини показывает, где наши друзья. Рукопожатия, которыми обменялись два вождя, это не только стимул, это — демонстрация на зло врагам.**

Национал-социалистскую Германию ненавидит весь мир. Мы это знаем, но говорим: пусть ненавидят. Чем больше ужаса мы будем внушать врагам, тем лучше. Наша молодежь не боится войны. Она знает, что нет большей славы, как умереть за национал-социалистское отечество.

Будущая война потребует много жертв. Мы говорим это открыто, но эти жертвы необходимы для победы. Победить же мы должны во что бы то ни стало, хотя бы против нас снова встал весь мир».

Чем больше горячился оратор, тем тише становилось в саду. На многих лицах застыл испуг. Многие мужчины, а особенно женщины побледнели. Оратор говорил с таким жаром, что получалось, будто уже завтра их мужей и сыновей отправят на фронт.

Когда он кончил, общее оцепенение продолжалось несколько минут. Лишь когда оркестр грянул: **«Дейчлянд, Дейчлянд юбер аллес»** (национальный гимн: «Германия, Германия должна властвовать над миром»), слушатели медленно начали подниматься с мест.

Такова красочная картинка «моральной подготовки тыла», проводимой национал-социалистскими пропагандистами.

Гофман.

Фон-Папен против Геббельса.

(По телефону от берлинского корреспондента «Правды»).

БЕРЛИН, 18 июня. Вице-канцлер **фон-Папен** произнес вчера в Марбургском университете речь, которая прямо была направлена против Геббельса.

Папен публично осудил направление проводимой министерством пропаганды кампании против «критиканов и злопыхателей».

«Мы, люди из консервативного лагеря, — сказал Папен, — об'единившиеся 30 января 1933 г. с Гитлером, совершили бы величайшее преступление перед ним и перед нашим общим великим делом, если бы не сказали открыто то, что мы думаем сейчас, на нынешнем, решающем этапе национальной революции.

Поскольку молчит печать, то наша обязанность, как государственных деятелей, выступить и назвать вещи своими именами. Народ вовсе не так глуп, как многие себе его представляют. Если хотят сблизиться с народом, то не следует недооценивать его мудрости. Кампания против «критиканов», как она ведется теперь, вызывает всеобщее озлобление».

Первое издание **«Монтаг пост»,** опубликовавшее изложение речи вице-канцлера, конфисковано полицией.

Гофман.

СОКРАЩЕНИЕ ЗОЛОТОГО ЗАПАСА РЕЙХСБАНКА.

БЕРЛИН, 18 июня. (ТАСС). Золотой и валютный запас Рейхсбанка за вторую неделю июня снова уменьшился на 20 миллионов марок и составил к 15 июня всего 100,6 миллионов марок.

Покрытие германской марки в связи с этим уменьшилось с 3,4 проц. до 2,9 проц.

Пожар на германском авиационном заводе.

БЕРЛИН, 18 июня. (ТАСС). Прошлой ночью возник пожар на авиационном заводе Хейнкеля в **Варнемюнде.** Пожаром уничтожен ангар на аэродроме завода, в котором находилось несколько только-что выпущенных самолетов. Ведется следствие.

Предполагают, что пожар возник в результате самовоспламенения горючего, вызванного большой жарой.

После венецианского свидания.

ФРАНЦУЗСКИЕ КОММЕНТАРИИ.

(По телеграфу от парижского корреспондента «Правды»).

ПАРИЖ, 18 июня. Печать продолжает комментировать результаты венецианских переговоров. В то время как римский корреспондент **«Тан»** утверждает, что переговоры дали крупные результаты, и подчеркивает европейский характер политики Муссолини, агентство **Гаваса** и большинство газет высказываются скептически о достигнутых результатах и пишут о германо-итальянских интригах.

Пертинакс в **«Эко де Пари»** заявляет, что корреспонденции «Тан», повидимому, инспирированы французским послом в Риме, который «продолжает себя рассматривать вторым послом Италии во Франции».

По мнению агентства Гаваса, Гитлер и Муссолини не заключили никаких соглашений. «Итальянцы дают понять, — заявляет Гавас, — что Германия, наконец, признала независимость Австрии. Немцы утверждают, что они никогда не выступали против этой независимости, которая, напротив, страдала от влияния, оказываемого Италией на правительство Дольфуса. Что касается возвращения Германии в Лигу наций, то итальянцы дают понять, что Германия к этому стремится. Немцы, со своей стороны, заявляют, что дело не изменилось и что все зависит от признания германского равноправия другими державами». Не заключено также никаких соглашений и по **дунайскому** вопросу.

По мнению Пертинакса, единственный «позитивный» результат переговоров заключается в явной **враждебности,** с которой Гитлер и Муссолини отнеслись к **пактам о взаимной поддержке.**

Реми.

Англо-американские переговоры о морских вооружениях.

ЛОНДОН, 18 июня. (ТАСС). Между **Норман Дэвисом** (представитель США), который прибыл в Лондон для предварительных переговоров о морских вооружениях, и **Макдональдом** состоялась беседа, длившаяся полтора часа.

В выпущенном после беседы сообщении говорится, что Норман Дэвис и Макдональд обсуждали **процедурные вопросы,** касающиеся морской конференции 1935 года. Во время беседы присутствовали как английские, так и американские эксперты.

Следующая встреча между Дэвисом и Макдональдом состоится 20 июня.

Япония добивается открытых дверей в британских колониях.

ЛОНДОН, 18 июня. (ТАСС). По сообщению агентства **«Эксчейндж телеграф»** из **Кингстона** (Ямайка), японский торговый представитель **Иосизума** заявил, что Япония ответит на введение квот ввоза японских текстильных товаров попыткой заключить **торговые договоры с английскими доминионами.** (Мероприятия против японского ввоза до сих пор были приняты в Англии и колониях, но не в доминионах).

В случае, если эта попытка не увенчается успехом, Япония, по словам Иосизума, об'явит **бойкот канадскому и австралийскому сырью.**

АНТИФАШИСТСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В АНГЛИИ.

ЛОНДОН, 18 июня. (ТАСС). Вчера в **Гайд-парке** состоялась антифашистская демонстрация. От имени компартии выступил **Кемпбелл,** который призывал к созданию единого **фронта** борьбы против фашизма.

На митинге выступило также несколько рабочих, которые были ранены во время фашистского митинга в **«Олимпия-Холл».**

Антифашистские выступления произошли также в связи с фашистскими митингами в **Лондоне, Бристоле и Донкастере.**

В **Бристоле** крупные отряды полицейских сопровождали чернорубашечников к месту митинга и образовали защитный кордон вокруг трибуны. Тысяча рабочих устроила контрдемонстрацию.

В **Сент-Панкрасе** (Лондон) полиция сопровождала группу фашистов в 50 человек к месту митинга в **Риджент-парк. В контрдемонстрации приняли участие 15 тыс. рабочих.** После митинга фашисты разошлись также под охраной полиции. Между фашистами и рабочими произошло столкновение. Двое рабочих арестовано.

Антифашистские демонстрации в Париже и Марселе.

ПАРИЖ, 18 июня. (ТАСС). В **Марселе** по призыву компартии состоялась 5-тысячная демонстрация в знак протеста против созыва фашистского собрания местной организации **«Солидарите франсез».** Против демонстрантов были двинуты крупные полицейские силы. В итоге столкновения между демонстрантами и полицией с обеих сторон насчитывается много раненых. Полиция произвела многочисленные аресты.

В **15-м районе Парижа** 2 тысячи рабочих, в том числе рабочие — члены социалистической партии, а также бывшие фронтовики, провели антифашистскую демонстрацию под лозунгами: «Да здравствуют Советы!», «Долой империалистическую войну!». После демонстрации состоялся митинг.

В **Сен Омере** (Па-де-Кале) состоялся под руководством компартии крупный митинг протеста против решения суда в Бетуне (Па-де-Кале). Суд этот оправдал фашистов, участвовавших в столкновениях с рабочими 12 апреля, во время которых фашист Фритч убил рабочего Фонтена.

В **Оране** (Алжир) пять тысяч рабочих провели антифашистскую демонстрацию.

Закон против забастовок в США.

ВАШИНГТОН, 17 июня. (ТАСС). Стремясь предотвратить забастовки в сталелитейной и других отраслях промышленности, сенат и палата представителей вчера в срочном порядке утвердили законопроект, дающий полномочия президенту назначать комитеты для обследования конфликтов между рабочими и предпринимателями.

Согласно законопроекту этим комитетам дается право наблюдать за выборами в заводские комитеты, избирать представителей для заключения коллективных договоров, а также устанавливать правила, «необходимые для разрешения задач, поставленных законопроектом». Нарушение правил этих комитетов карается годом тюремного заключения и штрафом в 1.000 долларов.

Сенат и палата представителей одобрили законопроект, дающий полномочия Реконструктивной финансовой корпорации предоставлять частным предприятиям займы на общую сумму в 300 млн долл. Займы отдельным предприятиям согласно законопроекту не должны превышать 500 тыс. долл. в течение 5 лет. Законопроект дает полномочия также федеральным резервным банкам предоставлять займы промышленности на общую сумму в 280 млн долларов. Эти мероприятия рассчитаны на «стимулирование промышленного производства». Конгресс утвердил указанные выше законопроекты без прений в срочном порядке по требованию правительства. **Рузвельт** стремится как можно скорей закрыть сессию конгресса. В конце июня или в начале июля он выезжает на **Гавайские острова.**

Борьба за освобождение Тельмана.

ПАРИЖ, 17 июня. (ТАСС). По сообщению **«Юманите»,** комитет борьбы за освобождение **Тельмана** расширяет кампанию в защиту Тельмана.

В германское посольство в Париже посланы многочисленные телеграммы с протестами против предания Тельмана так называемому «Народному суду» и с требованиями его освобождения. На улицах Парижа расклеены **тысячи** обращений, призывающих к усилению борьбы за освобождение Тельмана.

Комитет борьбы за освобождение Тельмана продолжает создавать комитеты на предприятиях и местные комитеты в различных пунктах Франции.

Марки с портретом Тельмана, нелегально распространяемые берлинскими рабочими. Деньги, вырученные от продажи этих марок, идут в фонд борьбы против фашизма. (Снимок взят из «Вельтбюне»).

БОРЬБА МАНЧЖУРСКИХ КРЕСТЬЯН С ОККУПАНТАМИ.

ШАНХАЙ, 17 июня. (ТАСС). Газета **«Давеньбао»** указывает, что в течение апреля манчжурские повстанцы совершили около **300** нападений на японо-манчжурские войска. Эта цифра вдвое превышает число выступлений в марте.

По словам газеты **«Шуньбао»,** повстанческие отряды недавно заняли пункт **Шулань,** вблизи **Гирина, и освободили большое количество заключенных,** главным образом **крестьян,** которые были арестованы по обвинению в революционных выступлениях. Японские войска отбили город у повстанцев после 4-часового **ожесточенного сражения.**

Редактор газеты **«Чайна пресс»** Холингтон Тонг сегодняшнюю передовую посвящает командующему китайскими повстанческими отрядами в Южной Манчжурии **Тен Тянь-мею,** который был недавно захвачен и передан в руки японцев. За поимку Тен Тянь-мея была об'явлена награда в **50** тыс. долларов.

Тонг указывает, что под командованием Тен Тянь-мея в районе **Аньдуна** (вблизи Корейской границы) находилось **30** тысяч вооруженных повстанцев, которые совершили ряд успешных нападений на японские войска, базы и штабквартиры. Аньдунские повстанцы имеют 4 пехотных бригады и 2 кавалерийских полка. Японские войска, пишет далее автор, не в состоянии справиться с повстанцами в этом районе, так как **крестьянство единодушно поддерживает повстанцев.**

В последнее время, указывается далее, японцы проводят новую тактику в деле борьбы с повстанцами, организуя **блокаду** с целью сломить сопротивление голодом. Повстанцы, пишет Тонг, имеют даже в своем распоряжении **5** самолетов, но не располагают достаточным количеством горючего, что не дает им возможности использовать самолеты.

После доставки арестованного Тен Тянь-мея в **Мукден,** пишет далее Тонг, японские власти об'явили военное положение, так как **большие толпы народа пытались устроить демонстрацию** и об'явить Тена национальным героем. В заключение в статье указывается, что, несмотря на захват Тен Тянь-мея, силы, находившиеся под его командованием, сохранили боевую готовность, и японцы не в состоянии справиться с положением.

НОВЫЙ МАССОВЫЙ ПРОЦЕСС РЕВОЛЮЦИОННЫХ РАБОЧИХ В ЛЕЙПЦИГЕ.

БЕРЛИН, 17 июня. **(Соб. корр. «Правды»).** По сообщению **«Берзенцейтунг»,** в лейпцигском суде начался новый массовый процесс революционных рабочих. На скамье подсудимых **80 человек,** обвиняемых в том, что в январе 1933 г. они создали организацию **«Красная оборона»,** представлявшую собой в замаскированном виде **Союз красных фронтовиков.**

Обвинение приписывает подсудимым намерение совершать поджоги и террористические акты.

Столь огромного количества подсудимых лейпцигское судилище еще никогда не видело. Для обвиняемых нехватает скамей. Они сидят, вплотную прижавшись друг к другу.

Гофман.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРИ В ПОЛЬШЕ.

ВАРШАВА, 18 июня. (ТАСС). Все партийные помещения национал-радикального лагеря и родственных ему организаций в Варшаве и в провинции опечатаны. В течение вчерашнего дня при попытках спровоцировать ряд выступлений в провинции арестовано большое число членов фашистских организаций. Члены национал-радикального лагеря пытались в частности спровоцировать еврейский погром в местечке **Карчев,** под Варшавой.

Сегодня состоялись проводы тела убитого министра внутренних дел **Перацкого** на вокзал.

ВАРШАВА, 18 июня. (ТАСС). Как сообщает польское телеграфное агентство, опубликован декрет президента польской республики о создании в Польше концентрационных лагерей.

В декрете говорится, что «лица, деятельность которых заставляет опасаться нарушения ими безопасности и общественного порядка, будут арестовываться и отправляться в специальные концентрационные лагери, которые не представляют собой тюрем, предназначенных для лиц, осужденных или арестованных за уже совершонные преступления».

ВОЛЬДЕМАРАС ПРИГОВОРЕН К КАТОРГЕ.

КАУНАС (Ковно), 18 июня. (ТАСС). Литовское телеграфное агентство сообщает: «Военный суд признал **Вольдемараса** виновным в попытке низложить нынешнее правительство (7 июня) и приговорил его к 12 годам каторжных работ».

Иностранная хроника.

❋ Греческая печать сообщает о **предстоящей поездке Эррио в Грецию.**

❋ В австрийском городе **Браунау,** где родился **Гитлер,** произошла **крупная демонстрация** протеста против террора национал-социалистов.

❋ **Парламент США** принял резолюцию об участии США в работах **Международного бюро труда в Женеве.**

❋ Во время прений в канадском сенате **сенатор Грисбах** (консерватор) потребовал, чтобы Канада создала **военный флот,** который смог бы обеспечить ее **нейтралитет в случае войны между США и Японией.**

❋ В **Нью-Йорке** состоялась **7-тысячная антифашистская демонстрация.**

❋ В **Австрии** введен закон, предусматривающий вынесение **смертных приговоров** за «антигосударственную деятельность». Смертные приговоры могут выноситься не только чрезвычайными, но и обычными судами.

❋ В **Копенгагене** вновь арестован **германский коммунист Кульман** по подозрению в том, что его пребывание в Дании якобы связано с забастовкой датских моряков.

❋ В связи с предстоящим военным парадом в **Альдершоте** (Англия) **«Юношеский антивоенный совет»** организовал в Альдершоте свой **лагерь,** который будет **центром антивоенной кампании во время парада.**

Семья Васильевых: на руках у отца — «самый большой челюскинец» — дочь Карина, родившаяся на «Челюскине».

□□□□□

МОСКВА ТОРЖЕСТВЕННО ВСТРЕЧАЕТ ГЕРОЕВ.

Москва готовит торжественную встречу челюскинцам и героям-летчикам. Свыше **400 художников, архитекторов, скульпторов, квалифицированных работников искусства оформляют столицу. Улицы по пути следования челюскинцев украшаются красными полотнищами и голубыми лентами.**

Всюду большие портреты товарища Сталина, портреты семи летчиков-героев Советского Союза и героев челюскинцев. Витрины всех магазинов полны **живых цветов.** Дома увиты хвойными гирляндами.

На Красной площади **большие художественные** портреты всех **летчиков-героев Советского Союза, О. Ю. Шмидта, Воронина,** Боброва, Баевского, Копусова, **Бабушкина** и Кренкеля.

На лобном месте — грандиозная **модель** «Челюскина», окруженного **наступающими** льдами. (Роста).

ЧЕЛЮСКИНСКАЯ ДЕКАДА В ПАРКЕ им. ГОРЬКОГО.

Вчера в парке им. Горького началась декада, посвященная встрече участников похода «Челюскина» и летчиков-героев Советского Союза.

Вечером парк посетила группа родных и близких челюскинцев и летчиков-героев во главе с **Верой Федоровной Шмидт.** Их сопровождали представители Главного управления Северного морского пути.

Государственная Третьяковская галлерея ознаменовала приезд челюскинцев в Москву открытием в фойе закрытого Драматического театра выставки картин советских художников, побывавших на Севере. На ней представлено свыше 200 картин художников **Беляева, Берингова, Бом-Григорьева, Борисова, Крайнова, Рыбникова, Стороженко, Тягунова.**

Московское об'единение советских художников совместно с парком организуют встречу московских художников с челюскинцем-художником тов. **Ф. Решетниковым.** Радисты встретятся в Радиотеатре с тов. **Кренкелем.**

23 июня намечено провести встречу рабочих завода «Серп и молот» с Героем Советского Союза тов. **Водопьяновым.** Комсомолец-зимовщик **Костя Званцев** выступит перед комсомольцами-москвичами, выразившими желание отправиться в Арктику.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ГЕРОЕВ АРКТИКИ.

Центральный совет Осоавиахима СССР постановил в ознаменование героической победы, одержанной советскими летчиками в Арктике, организовать при Центральном аэроклубе в Тушине портретную галлерею героев Арктики. В нее войдут портреты **тт. Шмидта, Ушакова, Боброва, Ляпидевского, Леваневского, Молокова, Каманина, Слепнева, Водопьянова, Доронина,** радиста **Кренкеля** и других. Работа будет закончена ко дню авиации — 18 августа.

Альбом «Героический поход».

Редакция «Правды» и Изогиз к приезду челюскинцев и героев-летчиков в Москву выпустили альбом **«Героический поход»** («Правда» о полярной экспедиции «Челюскина»). В альбоме помещены важнейшие материалы, напечатанные в «Правде» о походе и гибели «Челюскина», о жизни на льдине и спасении челюскинцев (статьи, очерки, корреспонденции, телеграммы, рисунки, фото).

Альбом посвящен летчикам — Героям Советского Союза, мужественным челюскинцам, их стойким и опытным руководителям, партийной организации героической экспедиции и всем участникам спасательных групп.

Альбом издан на 48 страницах и оформлен в художественной папке. Тираж — 5.000 экземпляров.

НА ВСЕУКРАИНСКОМ С'ЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ХАРЬКОВ, 18 июня. **(Корр. «Правды»).** Сегодня с'езд писателей заслушал доклады: тов. **Кулика** — о работе оргкомитета союза советских писателей Украины, тов. **Кириленко** — «Творческие задания в области прозы» и тов. **Щупака** — «Проблемы жанров в драматургии».

С'езд принял приветствие челюскинцам и летчикам — Героям Советского Союза.

ПЛЕНУМ АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОГО КРАЙКОМА ВКП(Б).

РОСТОВ-ДОН, 18 июня. **(Корр. «Правды»).** Открылся пленум Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). Пленум обсудит ход чистки парторганизации края и вопросы предстоящей уборки и хлебосдачи. С большой речью о чистке парторганизации выступил председатель краевой комиссии по чистке тов. **Шкирятов.**

ПУЩЕН В ХОД КРАСНОУРАЛЬСКИЙ ЗАВОД СЕРЫ.

КРАСНОУРАЛЬСК, 18 июня. **(Корр. «Правды»).** Пущена в ход первая очередь Красноуральского экспериментального завода серы. Завод построен на базе использования флотационных хвостов Красноуральского медеплавильного завода. Все оборудование завода произведено на советских предприятиях.

ОТОВСЮДУ.

(От корреспондентов «Правды»).

Парк культуры и отдыха открыт в совхозе «Молочное», Вологодского района. На открытии присутствовало около 2 тыс. рабочих совхоза, колхозников и рабочих предприятий.

Постройка радиоузла, мощностью в 1 ватт на 500 точек, начата в Акимовском районе, на Днепропетровщине. К 1 июля будут радиофицированы передовые колхозы «Труд» и коммуна им. Чубаря.

Заканчивается постройка нового 4-этажного травматологического корпуса при Ортопедическом институте в Киеве. Кроме операционного зала, здесь будут кабинеты физических методов лечения, грязелечебница и рентгеновский кабинет.

Геологический поход организовал Самарский краеведческий институт. Участники похода обнаружили большие месторождения ценных ископаемых. В Сурском районе около сел Баришева и Ольховки найден колчедан, в Лунинском районе — железняк и магнитные руды.

ХРОНИКА.

◆ Президиум ЦИК Союза ССР **постановил переименовать мыс Северный в мыс Отто Шмидта.** (ТАСС).

◆ **Открытие сессии Института философии Комакадемии** состоится 20 июня, в 6 час. веч., в Б. зале Комакадемии (Волхонка, 14). Вход по билетам. Заявки по тел. 87-24.

◆ **Научная сессия историко-теоретического кабинета** при Всесоюзной **академии** архитектуры открывается 25 июня. Сессия посвящена историческому циклу.

◆ **Высшие музейные курсы** Наркомпроса открываются 15 июля при Историческом музее. Половина всех мест на курсах выделяется для подготовки научных работников национальных музеев.

ВЫПЛАВКА МЕТАЛЛА ЗА 16 ИЮНЯ

(в тоннах).

	Чугун.	Сталь.
План.	30.150	28.000
Выплавлено.	29.010	25.702
% плана.	96,2	91,8

ГОТОВЫЙ ПРОКАТ ЗА 16 ИЮНЯ

(в тоннах).

План.	Прокатано.	% плана.
20.015	20.219	101,0

ДОБЫЧА УГЛЯ ПО СОЮЗУ ЗА 15 ИЮНЯ

(в тоннах).

План.	Добыто.	% плана.
269.286	251.296	93,3

ДОБЫЧА УГЛЯ В ДОНБАССЕ ЗА 16 ИЮНЯ

(в тоннах).

План.	Добыто.	% плана.
170.864	167.414	98,0

ДОБЫЧА ТОРФА ПО СОЮЗУ ЗА 16 ИЮНЯ

(в тоннах).

	План.	Добыто.	% плана.
Сырец.	132.425	128.184	96,8

РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ 16 июня.

ДОРОГИ.	% выполнения плана погрузк.	% обеспечения вагонами.	% разгружен. вагонов к числу пред'явл. к разгрузке.
Донецк. (нач. т. Левченко)	92	108	77
Екатерининск. (т. Билик)	104	105	66
Казанская (т. Кучмин)	93	97,5	96
Курская (т. Карпенко)	89	103	74
Окружн. (т. Петриковский)	96	105	79
Северная (т. Амосов)	91,5	99	90
Ряз.-Урал. (т. Кавтарадзе)	88	102	94
Октябрьская (т. Синев)	116	107	78
Мурманская (т. Ледник)	92	97	80
М.-Бел.-Балт. (т. Русанов)	95	99	84
Западная (т. Жуков)	95	99,6	88
Юго-Вост. (т. Житков)	97	109	90
Сев.-Кавказ. (т. Лившиц)	100	97,5	74
Южная (т. Зорин)	110	97,5	86
Юго-Западн. (т. Друскис)	85	105	85
Закавказ. (т. Розенцвейг)	99	108	91
Ср.-Азиат. (т. Прокофьев)	96	102	81
Турксиб. (т. Корчагин)	130	129	73
Сам.-Злат. (т. Ковылкин)	80	103	92
Пермская (т. Миронов)	92	94	91
Южно-Урал. (т. Князев)	102	86,5	75
Омская (т. Базулин)	124	112	73
Томская (т. Дьяков)	90	112	77
Вост.-Сибир. (т. Голышев)	99	98	99
Забайкальск. (т. Осипов)	116	112	65
Уссурийская (т. Лемберг)	84	104	63

ПО ВСЕЙ СЕТИ: Погружено — **57.113** вагонов, разгружено — **56.003** вагона, остаток неразгруженных — **16.387** вагонов, план погрузки — **60.000** вагонов.

Уполномоч. Главлита № В—89485.
Типография газеты «Правда» имени Сталина.
Издат. № 517. 14